

Елизавета Алексеевна Дворецкая
Стоячие камни. Книга 2: Дракон судьбы
Серия «Корабль во фьорде», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Крылов»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164771
Дворецкая Е. Дракон судьбы: Крылов; СПб.; 2007
ISBN 5-9717-0407-9*

Аннотация

Впервые в жизни Хёрдис Колдунья получила в подарок настоящее сокровище – золотое обручье. Но отец, Фрейвид хёвдинг, рассудил, что дочери рабыни золото ни к чему, и будет лучше, если его законная дочь Ингвильда на пиру по случаю помолвки сделает драгоценный подарок жениху. Фрейвид хёвдинг не учел двух вещей. Изделие темных альвов не зря зовется Драконом Судьбы, оно приносит зло тому, кто забрал его силой. А Хёрдис не из тех, кто позволяет что-то у себя отнять!

И пока Фрейвид собирает войско для войны с фьяллями, а Ингвильда пытается избежать ненавистой свадьбы, Хёрдис Колдунья в сопровождении верного пса бежит на лыжах через снежные долины, чтобы вернуть свое сокровище и найти достойное место в жизни...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ДРАКОН СУДЬБЫ

*Бдительный взор
каждому нужен,
где гневные бьются;
придорожные ведьмы
воинам тупят
смелость и меч.
«Старшая Эдда»¹*

Глава 1

Тинги* племени квиттов издавна собирались на Остром мысу, самой южной оконечности полуострова. Фрейвид хёвдинг* подъезжал сюда во главе целой дружины человек в сто. С ним ехали его собственные хирдманы*, хельды* и бонды* из Медного Леса, присоединившиеся по дороге. Отличные кони, блеск посеребренного оружия, яркие пятна крашенных в разные цвета одежд издали привлекали взгляды, и отряд провожали сотни уважительных и завистливых глаз.

– Вот уж у кого всегда будет вдоволь сторонников на тинге, что бы он ни задумал! – переговаривались жители Острого мыса, разглядывая грозную дружину.

– Еще бы – при таком богатстве!

– Видно, до самой его смерти у Западного побережья не будет другого хёвдинга! Фрейвид еще не стар – еще лет двадцать продержится, а?

– Не всякому богатству стоит завидовать! У него много чего есть, но нет достойных сыновей!

– Ничего, зато дочь в конце концов даст ему такую родню, что...

Ингвильда ехала на ухоженной, почти белой кобыле, и ее синий плащ, сколотый большой позолоченной застежкой, красиво спускался по бокам лошади. В усадьбе последнего ночлега перед Острым мысом Фрейвид хёвдинг приказал всем домочадцам и дружине переодеться в лучшие наряды, чтобы приехать на тинг во всем блеске богатства и удачи. День был ясным и солнечным, как почти всегда во время осеннего тинга, и люди с удовольствием поглядывали на небо.

– Посмотрите, сколько кораблей!

Это крикнул Асольв и даже обернулся, отыскивая глазами сестру, чтобы Ингвильда поделила его восторг. Асольв попал на Острый мыс впервые и не мог опомниться от счастья. Он ехал на тинг, откуда вернется, должно быть, уже признанным по закону сыном Фрейвида хёвдинга и наследником всех его владений! Его новая желтая рубаха, отделанная полосами синего шелка по вороту и рукавам, зеленый плащ и совершенно новые башмаки с крашеными ремешками были не хуже, чем у любого из хельдов, и Асольв чувствовал себя нарядным и счастливым, как никогда не бывает счастлив сын конунга, имеющий все это с рождения.

Ингвильда уже не раз бывала на тингах, но улыбнулась Асольву, понимая его радость. На берегу лежало множество кораблей, на воде фьорда пестрели яркими пятнами паруса вновь подходящих. Здесь собрались десятки, может быть, сотни «зверей моря» – Коней, Быков, Волков, Вепрей, Драконов, Лебедей, Журавлей, Змеев, – каких только звериных морд не было на штевнях*!

– Глядите – там «Красный Волк»! – закричали хирдманы, узнавшие корабль Гримкеля Черной Бороды. – Гримкель ярл* уже тут! Должно быть, и конунг* тоже здесь!

Фрейвид хёвдинг кивнул сам себе – ему было приятно, что он прибывает на тинг позже конунга, и выходит так, что сам конунг ждет его. А в том, что Стюрмир конунг ждет, он не сомневался. Кто будет лучшим помощником и соратником конунга в войне с фьяллами, которой, видят боги, теперь не миновать?

Разглядывая корабли, Ингвильда вдруг заметила возле горловины фьорда еще один – лангскип* скамей на двадцать. Голову на переднем штевне она не могла разглядеть издалека, но в глаза ей бросилось пятно паруса с красными и синими полосами. Она не могла не узнать своей собственной работы – этот самый парус она ткала почти половину зимы. На прощанье Фрейвид подарил его Вильмунду. Хороший парус – достойный подарок даже для сына конунга.

– Посмотри туда, дочь моя! – Фрейвид хёвдинг обернулся и указал плетью на плывущий корабль. – Если меня не подводят глаза, это твой парус, а значит, сюда идет Вильмунд ярл. Мне помнится, он давал обещание поставить этот парус только на том корабле, который будет его собственным. Раз он сделал это, значит, корабль получен им в полное владение. Думаю, что Вильмунд ярл привез из похода много добычи и еще больше рассказов о своей доблести. Как первого – не знаю, а уж второго нам хватит на целую зиму!

Фрейвид усмехнулся, все вокруг засмеялись, и Ингвильда улынулась при мысли, что скоро увидит Вильмунда. Со дня их разлуки для нее прошло так много времени, что неприятные чувства, которые он начал было у нее вызывать, изгладились из памяти, и она надеялась на самую дружескую встречу. Только воспоминание о том, что Вильмунд с Хродмаром уговорились о поединке, неприятно покалывало ее, но она надеялась, что с тех пор Вильмунд остыл и успокоился. Наверное, он и думать забыл о своей глупой полудетской любви, и больше им не из-за чего ссориться.

Навстречу попадалось все больше людей, каменистая тропа превратилась в широкую дорогу, от одной усадьбы было видно другую, а домики и дворики мелких торговцев, ремесленников и рыбаков, гостиные дворы и купеческие склады стояли целыми рядами. Острый мыс был одним из самых больших поселений Морского Пути, наряду с Эльвенэсом в Слэттенланде и Винденэсом на Квартинге, и во времена тингов, а также на празднике Середины Лета* здесь бывали большие торги. Ингвильда заранее радовалась скорым встречам с торговыми гостями: по некоторым замечаниям Фрейвида она догадывалась, что он намерен купить ей много обновок и украшений, а для чего, как не для приданого?

Все встречные почтительно приветствовали хёвдинга Квиттингского Запада, жадно разглядывали Асольва и Ингвильду. Асольв был для людей новостью, которую следовало обсудить и сделать выводы, а Ингвильда, хотя ее все знали если не лично, то понаслышке, вызывала любопытство как новыми нарядами, так и возможным решением судьбы. Дочь Фрейвида хёвдинга считалась одной из лучших невест Морского Пути, и всем очень хотелось знать, кому же она наконец достанется.

Почти все землянки в Долине Тинга, расположенные рядами и вразброс, были уже покрыты яркими цветными шатрами, и издали казалось, что долина расцвела огромными цветами. Можно было подумать, что все племя квиттов собирается в эти дни на Остром мысу, чтобы еще раз убедиться, как их много, и показать всему Морскому Пути свою мощь и сплоченность. Высокая скала с ровной площадкой на вершине – Престол Закона – запирала долину с севера и знаменовала собой силу и власть квиттинских конунгов, полученную от самого Тюра*.

Фрейвид заранее отправил сюда своих людей, и три просторные землянки для него и всех его спутников уже были готовы. В самой большой землянке, которую занимал сам

хёвдинг, было отгорожено занавесом особое помещение для женщин. Здесь разместились Ингвильда и Бломма, которую фру Альмвейг послала с дочерью.

Но у них не было ни единого мгновения на отдых: Фрейвида уже поджидало множество людей, надеявшихся получить от него помощь и поддержку в тяжбах. Поэтому Ингвильда, сбросив плащ и наскоро умывшись, почти сразу принялась встречать гостей: самым знатным нужно было подать рог, менее знатным хотя бы разок улыбнуться или кивнуть, завести беседу, задать вежливые вопросы о дороге и здоровье родных – а уж потом сам хёвдинг начнет настоящий разговор о насущных делах.

– Приветствую тебя, Фрейвид хёвдинг! – Среди общего гомона Ингвильда расслышала смутно знакомый голос. Обернувшись, она заметила Эгмунда Иволгу. На нем был новый плащ с серебряным шитьем, и он благодушно улыбался, но его хитрые глаза не внушали доверия. – Стюрмир конунг и Гримкель ярл послали меня справиться о тебе и позвать в Лейрингагорд. Конунг и его родичи рады будут видеть тебя и твоих людей.

Фрейвид отметил про себя, что Лейринги вполне могли бы прислать кого-нибудь из своих, а не пользоваться услугами постороннего торговца. Этот многочисленный род обитал в большой усадьбе Лейрингагорд – Двор Лейрингов. Не имея на Остром мысу собственного жилья, Стюрмир конунг всегда останавливался у них. Трудно было возразить против его желания пользоваться гостеприимством жениной родни, но Фрейвида всегда задевало то, что ради встречи с конунгом он вынужден идти в гости к Лейрингам.

Пока Фрейвид отвечал на приветствие, Эгмунд быстрым взглядом окинул людей в землянке и сразу увидел Ингвильду.

– А, ты и дочь свою привез с собой! – воскликнул он. – Я думаю, конунг будет рад ее видеть. И Вильмунд ярл тоже.

Эгмунд ухмыльнулся, что, видимо, должно было означать дружелюбную улыбку, но Ингвильде вдруг стало неуютно, как будто от этого человека потянуло холодным сквозняком. И вся радость от близкой встречи с Вильмундом куда-то исчезла.

Усадьба Лейрингагорд была велика и состояла из двух десятков разнообразных построек. Даже хозяйских домов здесь было четыре – один самый большой и самый старый и три поменьше, по одному на каждую из ветвей рода, идущих от трех сыновей старого Лейра. Девичьей служила просторная землянка у ворот, и не менее двадцати рабынь постоянно трудились возле прялок и ткацких станков. Дружинных домов тут было пять, и в случае войны Лейринги собирали под своими стягами пару сотен копий. Один из Лейрингов неизменно избирался в хёвдинги Южной Четверти. Сейчас это был Тюрвинд сын Бергтора, могучий и угрюмый человек, горячий в бою и молчаливый за столом. Он же считался хозяином усадьбы, хотя многочисленная родня вечно спорила с каждым его распоряжением. Лейринги носили заглазное прозвище Вороньё, так как постоянно бранились между собой, но против общих недругов они выступали единым строем, и это превращало их в весьма опасных противников.

Гримкель ярл сам встретил Фрейвида Огниво еще во дворе и повел в гридницу*, где гостя ждали все прочие Лейринги и сам Стюрмир конунг.

Конунгу было лет сорок пять, его густые пышные волосы и борода наполовину поседел, за что его в последние годы прозвали Метельным Великаном. Прозвище это он получил и за могучее сложение, и за острый взгляд блестящих голубых глаз, и за резкие черты лица, в которых читался нрав твердый и упрямый. Гнева его боялись, но Фрейвид хёвдинг не имел привычки опускать перед ним глаза. Он считал, что и с настоящим великаном можно договориться, если умело взяться за дело.

Однако сегодня Стюрмир конунг был весел и приветлив. Он оживленно и дружески встретил Фрейвида, долго хвалил красоту и наряд Ингвильды, пророчил, что уже на следу-

ющий тинг она приедет уважаемой замужней женщиной. Ингвильда смущалась и отворачивалась, не зная, что отвечать на такие пожелания. Ведь у нее уже есть жених, но как сказать конунгу о том, что это фьялль?

Гостей в усадьбе было очень много, но Фрейвиду досталось одно из самых почетных мест. Ингвильду посадили за женским столом рядом с кюной* Даллой. Второй жене Стюрмира и мачехе Вильмунда шел всего лишь двадцать первый год, она была стройна, бела и миловидна, хотя и не так красива, как Ингвильда. У нее были густые сросшиеся брови, вздернутый кончик носа, а чуть-чуть раскошенные большие карие глаза придавали ей загадочный и хитроватый вид. Недостаток красоты кюна Далла возмещала богатой одеждой – сейчас на ней была рубаша из блестящего шелка, красное платье с узорной каймой и головное покрывало, расшитое полосами золотой парчи. Поглядывая на хитро сплетенные золотые цепи и гривны* на груди и шее кюны, Ингвильда втайне жалела ее – как она только выдерживает такую тяжесть?

Но кюна Далла расценивала ее взгляды как признак жестокой зависти и была очень довольна. Она приветливо говорила с Ингвильдой, расспрашивала о фьяллях и Большом Тюлене. Но Ингвильде неприятно было говорить об этом, и она предложила кюне послушать Фрейвида. За мужскими столами речь шла о том же.

– Я слышал, что ты, Фрейвид хёвдинг, в одиночку разбил целое войско фьяллей? – спрашивал Стюрмир конунг. – Мне рассказывал Гримкель ярл. Он видел на берегу возле твоей усадьбы два десятка фьялленландских кораблей и среди них «Золотого Дракона» самого Торбранда конунга. А теперь, как рассказывают люди, от корабля остались только золоченые рога. Сколько правды во всем этом?

О походе конунга фьяллей на Прибрежный Дом уже было известно по всему Квиттингу, и квиттам не терпелось услышать обо всем от того, кого они считали главным очевидцем событий. Фрейвид охотно принялся рассказывать, опуская только участие Хёрдис. По его словам выходило, что Большой Тюлень сам, без просьб и заклинаний, поднялся из пучин и разметал фьялленландские корабли. Слушатели дивились, качали головами, но не верить не могли. Слишком многие видели корабли с рогатыми драконами на штевнях, разбитые и разбросанные волнами вдоль Западного побережья. По всему полуострову толпами ходили страшные рассказы о мертвецах, которые ночами выбираются из моря и стучатся в дома. Многие люди приехали на тинг пожаловаться конунгу: на обратном пути на север фьялли, которым нужно было как-то добраться домой, отнимали корабли у мирных людей, и теперь квитты требовали от своего конунга, чтобы он, в свою очередь, потребовал от Торбранда возврата кораблей или возмещения их стоимости.

– Одного я не пойму – зачем Торбранду Троллю понадобилось нападать на Фрейвида? – крикнул младший брат Тюрвинда хёвдинга по имени Халькель Бычий Глаз. – Вот все слушаю, слушаю, а на кой тролль он сюда полез – никак в толк не возьму.

Этот Халькель был большим несчастьем для собственной семьи, и поговаривали, что мать, старая фру Йорунн, до сих пор в гнев поколачивает сорокалетнего мужика палкой. Его воинский дух был неукротим, хотя и проявлялся всего охотнее в гриднице за столом. Везде и всюду он искал ссор, считая, что чужое спокойствие и благополучие умаляют его собственное достоинство. Из-за него на Лейрингах вечно висели тяжбы о кровной мести, не с одним родом, так с другим. Но почему-то всегда выходило так, что затевал ссору Халькель, а разбираться с последствиями вражды приходилось кому-то другому. Нет, иной раз и самому Халькелю доставалось, и на его красном лице можно было увидеть несколько шрамов, однако ходили слухи, что и на спине у него шрамов не меньше.

Короче, иметь дело с Халькелем было досадно и непочетно, и Фрейвид едва удержался, чтобы не поморщиться, когда услышал знакомый пронзительный голос.

– Чему ты удивляешься – Рыжебородый не дает им спать и толкает по ночам рукоятью своего молота! Их хоть не корми – только дай подраться! – со смехом крикнул племянник Халькеля Аслак Облако, получивший свое прозвище за пышные кудрявые волосы, стоявшие облаком вокруг головы.

– Боги за что-то сильно огневались на конунга фьяллей, – переждав общий смех, спокойно заметил Фрейвид. – Светлые асы предупреждали Фьялленланд «гнилой смертью». Почти половина дружины Модольва Золотой Пряжки умерло от нее, а из моих людей не заболел ни один раб. Разве это не доказательство гнева богов? Но они почему-то обвиняют в этом нас и какую-то ведьму, наставшую на них мор.

– Так чего же мы ждем? – Гримкель ярл вскочил на ноги, пытаясь перекричать Халькеля и прочих родичей, тоже открывших рты. – Сами боги дают нам знак, чтобы проучить этих козлиноголовых! Другого такого случая не будет! Торбранд лишился жены, сыновей, шестнадцати кораблей и сколько-то там сотен дружины! Сейчас его можно взять голыми руками! Мы должны...

– Ты должен помолчать! – резко перебила его мать, старая Йорунна. Она не принадлежала по рождению к Лейрингам и была умнее их всех. Благодаря решительному и властному нраву она после смерти мужа, Бергтора Железного Дуба, на деле стала главой рода и уверенно правила своими взрослыми сыновьями, включая Тюрвинда хёвдинга и Гримкеля ярла. – Дай сказать конунгу! – приказала старуха, и Гримкель так и замер с открытым ртом, не смея спорить с матерью. – Пока еще не один ты решаешь, с кем и как квитты будут воевать!

Стюрмир конунг с признательностью посмотрел на старую хозяйку. Благодаря ее уму и здравому смыслу всех Лейрингов часто удавалось склонить к нужному решению, и конунг уважал ее, несмотря на резкий и неприятный нрав старухи.

– Может быть, случай и хорош, но я не сказал бы, что Торбранда Тролля можно взять голыми руками, – заговорил Стюрмир. Ему было не занимать храбрости, но он любил наносить только один удар – быстрый и верный, не требующий повторений. – Козлы упрямы и еще могут бодаться. У фьяллей много людей и много кораблей. Если шестнадцать из них пропали, то за зиму Торбранд соберет еще шестьдесят. Он упрям как оба Небесных Козла сразу. Всю зиму он будет ездить по Фьялленланду и собирать войско.

– Мы должны опередить их! – крикнул Халькель.

– А разве у тебя есть волшебный ларец, из которого вылезает разом целое войско? – насмешливо крикнула ему Йорунна. – И тебе не нужно времени на то, чтобы его собрать?

– Разве у нас мало воинов? – возмутился Халькель. – Квитты! Разве у нас некому воевать?

Гридница разразилась бурей криков. Сотни мужчин стучали чашами, выражая полную готовность идти в битву хоть сейчас. Лейринги самозабвенно орали, а Стюрмир конунг оставался спокоен, как гранитный утес в бушующем море.

– Вы еще забыли про раудов! – стукнув клюкой об пол, закричала Йорунн. Эти вопли доблести ее только злили – она-то хорошо знала, как далеко от похвальбы до настоящего дела. – Матерью Торбранда была сестра Бьяртмара, конунга раудов. Думаете, Бьяртмар об этом забыл? Думаете, он откажется, если Торбранд предложит ему вместе пограбить Квиттинг? Наше железо нравится всем!

– Они обломают об него зубы! – завели Лейринги свою любимую песню.

Кюна Далла поморщилась.

– Неужели нам некого позвать с собой пограбить Аскефьорд? – негромко спросила она. – Не могу поверить, чтобы за сорок лет жизни Торбранд Тролля не нажил себе врагов!

То ли Стюрмир конунг услышал жену, то ли сам думал об этом.

– Может быть, и нам стоит позаботиться о поддержке, – сказал он. – Что ты думаешь об этом, Фрейвид хёвдинг?

– Я думаю, конунг, что тебе стоит спросить совета не у нас, а у богов, – спокойно сказал Фрейвид.

Это был ловкий ход: того, кто просит совета у богов, невозможно обвинить в трусости, а можно лишь похвалить за осторожность и благоразумие. Как раз эти качества и заставили Стюрмира конунга ценить Фрейвида выше, чем все шумное гнездо Лейрингов. Хотя он прекрасно знал, что Фрейвид себе на уме и управлять им совсем не так легко, как крикливыми и безалаберными Лейрингами.

– Это мудрый совет, достойный тебя, Фрейвид. – Стюрмир конунг благодарно наклонил голову. – Завтра мы будем приносить жертвы Тюру и узнаем его волю.

Вдруг в гриднице раздались приветственные крики, сначала несколько, потом целый хор. Кюна Далла сжала руку Ингвильды и кивнула ей на дверь.

На пороге стоял Вильмунд. Он чуть запыхался, как будто бежал, на нем была нарядная шелковая рубаша с несколькими влажными пятнами на груди – видно, он так спешил привести себя в порядок и прийти на пир, что вытирался после мытья кое-как. Его светло-русые волосы тоже были влажными и прилипли ко лбу, но на висках были аккуратно заплетены две тонкие косички и заправлены за уши. Лоб его украшала шитая золотом повязка, на груди сверкала широкая гривна с головками волков, скалящих зубы друг на друга. На поясе его блестели серебром ножны и рукоять нового меча, которого Ингвильда еще не видела, – то ли подарок, то ли добыча? Вильмунд изменился и повзрослел за эти несколько месяцев, в нем появилась уверенность, которой раньше не было. Черты лица стали неумовимо жестче, мужественнее. Глянув ему в лицо, Ингвильда на миг растерялась – да он ли это?

Но тут же взгляд Ингвильды встретился с ищущим взглядом Вильмунда, он переменился в лице и радостно, с облегчением улыбнулся дочери Фрейвида, которую боялся не найти здесь. И она улыбнулась в ответ, на душе у нее посветлело. Радость от встречи с тем, кого она привыкла считать своим братом, напомнила ей о прежней безмятежной жизни, и мысли о неприятностях последнего времени отступили.

Жертвоприношения проводились в полдень, но еще с рассвета все жители и гости Острого мыса потянулись к Тюрсхейму. Рассказывали, что святилище когда-то построил сам Однорукий Ас* – как он сделал это одной рукой, спрашивать было не принято, – и жил в нем, поэтому оно называлось Тюрсхейм – Дом Тюра. Святилище стояло на мысу и представляло собой площадку, окруженную бревенчатой оградой, на которой выстроились высокие деревянные идолы богов.

На свободном пространстве внутри полукруга идолов лежал огромный черный валун, а перед ним темнел круг жертвенного очага, обложенного камнями помельче. Большой камень напоминал лежащего волка и потому назывался Волчьим. Это была главная святыня квиттов, возле которой приносили клятвы и заключали самые важные договоры. На верхней стороне камня имелся отпечаток, похожий на крупную ладонь. Считалось, что это след единственной руки самого Тюра. Приходя к власти, каждый конунг квиттов клал на отпечаток левую ладонь – громом небесным асы* отвергали неугодного им, а тишина или иные благоприятные знамения указывали на их расположение, и власть его отныне считалась законной.

Другой достопримечательностью святилища были два воротных столба, покрытых древней резьбой. Узоры правого столба изображали возникновение и становление мира, а левого – его грядущую гибель. На первый взгляд резьба казалась грубой, не такой утонченной и искусной, как делали теперь, но она завораживала своей колдовской силой. Фигуры богов, великанов и чудовищ, сплетенные в сложном священном узоре, дышали какой-то

дикой прелестью, как все, созданное в те времена, когда мир был еще молод. Основания столбов обвивали две разорванные цепи – Дроми и Лединг, не удержавшие Фенрира Волка*.

Незадолго до полудня к святилищу приехали Стюрмир конунг с приближенными. Конунг привел для жертвы Тюру коня, Лейринги и каждый из знатных людей – по быку. Народ пестрой многоголовой волной залил берег фьорда и окрестные склоны, чтобы видеть все происходящее на площадке.

Перед жертвенником конунга встретил сам Сиггейр Голос Камня – жрец и хранитель Тюрсхейма. Стюрмир подошел к нему, остальные знатные гости разместились поодаль, по сторонам жертвенника. Глянув на Сиггейра, Ингвильда содрогнулась и заново порадовалась, что в поисках огнива и в решении судьбы Хёрдис они обошлись без этого человека. Сиггейр был невысок ростом и довольно худощав, но во всем его облике чувствовалась огромная сила. Казалось, там где могучий берсерк* будет налегать плечом и обливаться потом, Сиггейр лишь повелительно взмахнет рукой – и тяжелый боевой корабль сам собой сползет в воду, гранитные валуны разойдутся, давая дорогу, ворота сломают засов и распахнутся. Черты его лица были тонкими и острыми, темные с проседью волосы волнистыми прядями спускались почти до пояса, борода прикрывала множество цепей с амулетами. В руке жрец держал древний жертвенный нож с крупными зубцами. Вид ножа внушал ужас, напоминая о зубах Фенрира Волка, откусивших руку Тюра.

Вильмунд ярл, стоявший рядом с Ингвильдой, незаметно взял ее руку и сжал, чувствуя, что она робеет и нуждается в поддержке. Ни вчера на пиру, ни сегодня им не удавалось как следует поговорить и приходилось ограничиваться дружескими взглядами. Но Вильмунд и этим был доволен: походив на собственном корабле и выиграв несколько битв с уладами, он набрался уверенности и теперь смотрел на Ингвильду со снисходительностью взрослого мужчины, уже не помня о том, что она старше его на целый год. Но она была по-прежнему красива, его влекло к ней, и он надеялся вызвать в ней удивление и восхищение рассказами о своих походах и подарках. Всем известно, что женщин привлекают слава и добыча, а у него теперь имелось и то и другое. Подарки, которые он приготовил Ингвильде, вызвали бы зависть у самой кюны Даллы, и Вильмунд втайне гордился тем, что его любимая будет наряжена богаче жены отца.

О Хродмаре он предпочел не вспоминать: знакомство с рябым фьяллем оставило неприятный осадок на дне души, но он не знал, что Ингвильда помолвлена с его соперником, и считал, что это недоразумение осталось в прошлом.

Квитты пели хвалу Однорукому Асу, к Сиггейру подвели коня с золоченой уздечкой. Положив руку на лоб животного, Сиггейр лишь чуть-чуть погладил его, и конь замер, как изваяние. Тогда колдун одним сильным ударом зубчатого волчьего ножа перерезал ему горло и ловко отскочил, так что падающее животное не задело его, а лишь обрызгало кровью. Народ на площадке и склонах пригорков ликующе закричал – дымящиеся потоки жертвенной крови заливали священный камень, боги будут довольны жертвой. Кюна Далла и ее мать Йорунн собирали кровь в большие позолоченные чаши.

– Я хочу просить совета у Волчьего Камня, – сказал Стюрмир конунг Сиггейру. – Скажи, достаточно ли этой жертвы, чтобы Однорукий дал мне ответ?

– О чем ты хочешь спросить? – Сиггейр уколол конунга острым взглядом.

Стюрмир никому не уступал твердостью духа, но теперь отвел глаза – смотреть в глаза Сиггейру было страшно, как в самую бездну Нифльхейма*.

– Боги посылают мне войны. Племя Тора* идет на нас и хочет гибели квиттам. Я должен узнать, велит ли нам Тюр идти в эти битвы или его совет будет иным?

Стюрмир мало сомневался в ответе – не было еще такого случая, чтобы бог войны удерживал свое племя от испытаний красного щита ². Но Сиггейр молча кивнул, отошел к Камню и сложил руки возле рта, словно чашу. Вся огромная толпа затихла, и колдун негромко запел ровным, унылым голосом, глядя на Камень в упор, словно хотел проникнуть взглядом внутрь:

К тебе мы взываем,
воин могучий,
Волка смиритель!
Зовем мы в раздумье,
зовем мы в сомненье,
квиттам ответь!
На жертву ответь
добрым советом,
Одина* сын:
поднять ли щиты нам
багряные смело
на Тора сынов?
Дадут ли победу
посланницы Одина
племени Тюра?
Или убийца
родичей Волка
их склонит к себе?

Опустив обе руки в жертвенную кровь, Сиггейр начертил на белом камне руну «ансу» – руну Совета – и прижался лбом к голове каменного волка. Все затаили дыхание, стало тихо, как будто здесь не было ни одного человека. И все, от Стюрмира конунга до самых дальних рядов толпы, слышали низкий ровный голос, нечеловечески спокойный, исходящий из самого Камня:

В вихре сражений
Тюра и Тора
жребии Один
смертных вершит.
Коль будет не с вами —
взор мой предвидит
войска разгром
и гибель вождей.

Голос Камня умолк, но никто не решался заговорить. Пророчество оказалось зловещим; Стюрмир конунг побледнел, Фрейвид украдкой вытер рукавом вспотевший лоб, и даже шумные Лейринги стояли, не смея подать голос.

Сиггейр поднялся на ноги, и на лбу его виднелся размазанный кровавый отпечаток.

– Как нам понять ответ Камня? – стараясь держать себя в руках, спросил Стюрмир конунг.

² То есть от войны, поскольку красный щит на мачте корабля означал войну.

При всем его самообладании Стрюмиру было трудно справиться с дрожью: никогда прежде Камень не обещал ему поражения еще до начала похода.

– Пророчество понять нетрудно, – ответил жрец, и глаза его смотрели мимо конунга, как будто уже видели будущее. – Тебе не стоит воевать с фьяллами в одиночку. Тор – достойный противник даже для Смирителя Волка. В битве асов победит тот, кто заручится поддержкой самого Одина. А для этого нужно отправить людей к конунгу слэттов. Племя Одина будет наилучшим союзником. Может быть, тебе стоит поехать самому.

Стюрмир конунг вздохнул с облегчением. Условие победы – привлечь слэттов в качестве союзников – не казалось таким уж трудным.

Вслед за ним и остальные перевели дух, стали переговариваться. На площадку святилища повели быков, Сиггейр снова принялся колоть жертвенных животных. Скоро потоки дымящейся темной крови залили весь Камень, и на нем уже не видна была начертанная жрецом руна.

Весь день собравшиеся на тинг пировали в святилище, поедая мясо жертвенных животных, Сиггейр пел сказания о доблести Тюра. Уже темнело, когда конунг и его приближенные вернулись из Тюрсхейма. Люди разошлись по усадьбам и землянкам, чтобы немного передохнуть перед вечерними пирами. Каждый из хозяев на Остром мысу стремился устроить пир побогаче, каждый звал к себе гостей. Конунг пировал сегодня у Лейрингов, а завтра его будет принимать Адильс хёльд из усадьбы Железный Пирог, стоявшей чуть дальше от моря.

Ингвильда умывалась, Бломма готовила ей новую одежду для пира вместо забрызганной кровью, в которой она была в Тюрсхейме. Зная, конечно, освящающую силу жертвенной крови, Ингвильда все же с трудом переносила этот обряд – ее мутило от сладковатого запаха и липких пятен на руках и на лице. Она усердно протирала мокрыми пальцами волосы, стараясь смыть темные пятнышки.

– Ты еще не одета, дочь моя? – едва расслышала она за плеском воды голос отца.

Отняв мокрые ладони от лица, Ингвильда увидела Фрейвида. Он стоял возле занавеси, а из-за спины его поблескивало несколько любопытных взглядов. Хёвдинг шагнул в закуток и отпустил за собой занавес, чтобы хирдманы не слишком пялили глаза на его дочь в одной рубашке.

– Одевайся получше, – сказал он, присев на край лежанки. Другого сиденья здесь не было, ворох цветной одежды был навален прямо поверх одеяла, и Фрейвид сел осторожно, чтобы ничего не помять. – Я дам тебе еще одно украшение.

Хёвдинг вынул из-за пазухи небольшой сверток в платке.

У Ингвильды дрогнуло сердце – она сразу догадалась, что там. Не желая показывать отцу смущения и тревоги, она схватила полотенце и принялась вытирать лицо и шею.

Фрейвид развернул платок, и Бломма ахнула. Фрейвид еще никому в доме не показывал своей последней добычи, даже фру Альмвейг, а Бломма и вообразить не могла такое сокровище, какое держал в руке хёвдинг.

– Наверное, его сковали свартальвы*! – пробормотала она, изумленно глядя на золотого дракона с белыми звездочками в глазах.

Ингвильда опустила полотенце. Она не решалась спорить с отцом, но принимать обручье ей вовсе не хотелось. Она помнила пастбище возле Кремнистого Склона, россыпь темных валунов, дикое лицо Хёрдис и ее неразборчиво-яростный крик, долетевший до них с Асольвом из-за можжевельных кустов. Если она хоть немного знает свою сводную сестру, то Хёрдис призвала страшные проклятья на головы всех тех, кто прикоснется к отнятому у нее Дракону Судьбы.

– Зачем мне это, отец? – тихо спросила Ингвильда. – Большие сокровища часто приносят одно горе, а у меня достаточно украшений и без него.

– Это верно, – Фрейвид кивнул, держа обручье в ладонях. – Но все же тебе понадобится подарок для Вильмунда ярла. Я говорил с конунгом. Сегодня на пиру будет объявлено о вашем обручении, и тебе нужно будет подарить жениху нечто достойное его высокого рода. А лучше этого и не придумаешь. Едва ли хоть один конунг квиттов получал от своей невесты что-то подобное.

Ингвильда была так изумлена, что села прямо на разложенные одежды и уронила на колени влажное полотенце, глядя на отца с недоумением и ужасом.

– Обручение? Какое? Кого? – бормотала она, еще надеясь, что ослышалась или чего-то не поняла. – Но как же? Как же я могу с ним обручиться? Ведь у меня уже есть...

– Ты не обручена, дочь моя, и свободна выбрать себе в мужа любого достойного человека, – с подчеркнутой уверенностью поправил ее Фрейвид. – Да, я обещал отдать тебя тому фьялли, но сговора не было, а он с тех пор показал, как мало считается с обетами дружбы. Я думал, ты сама поняла цену его обещаний. Он подарил мне обручье, – Фрейвид поднял руку, где блестела полоска узорного серебра, – но вскоре явился с мечом, чтобы отнять и свои подарки, и мою жизнь! Ведь Хёрдис рассказывала, что и Хродмар сын Кари, и его родич Модольв были среди тех, кто спалил наш Прибрежный Дом. Если бы боги не предупредили нас и мы не ушли в Кремнистый Склон, сейчас ты, возможно, была бы рабыней этого фьялля и твои дети от него стали бы зваться детьми рабыни. После их набега ни один человек не упрекнет нас в том, что мы отказались от своего слова, как он отказался от своего. Ты разумная девушка и сама должна это понять.

– Но я... – начала Ингвильда.

От растерянности и горя она не находила слов; да, обстоятельства не благоприятствовали ее свадьбе с Хродмаром, но Ингвильда готова была ждать, сколько понадобится. Никого другого она не могла вообразить своим мужем, как не могла вообразить своего будущего без Хродмара. Месяцы разлуки не уменьшили ее влечения к нему, и обручиться с другим казалось ей хуже смерти. Это просто невозможно!

– Ведь ты же не скажешь мне, что любишь того рябого фьялля? – проницательно глядя на нее, спросил Фрейвид, и Ингвильда опустила глаза. *Сказать* об этом она не смела, но думала именно так, и слезы текли по ее щекам и падали на колени, а она не могла их сдерживать. – Забудь о нем, как будто его и не было. Что тебе в том рябом уроде? Вильмунд ярл гораздо красивее и знатнее его, он старший сын конунга, а не какой-то там двоюродный племянник, да еще и бывший. Вильмунд ярл молод, красив, доблестен, он любит тебя, ты хорошо знаешь его. Жениха лучше и придумать нельзя. Будет война, а в такое время родство с конунгами никому еще не мешало. Обручение должно состояться быстрее, и я надеюсь убедить конунга сыграть свадьбу еще здесь, на тинге. Он согласится – ведь скоро ему предстоит ехать в Эльвенэс, просить о поддержке конунга слэттов. Он захочет оставить Квиттинг на попечение надежных людей, родичей. Он сам не дурак и понимает, что в такое время нельзя оставить страну во власти этих тупоумных Лейрингов! Ты уедешь с этого тинга не в Кремнистый Склон, а на озеро Фрейра* и будешь называться молодой кюной. Больше Лейрингам не придется задирать перед нами нос!

Однако до Ингвильды из этой мудрой речи дошло очень мало. Будущее развернулось перед ней темной раскрытой могилой, острая боль терзала ее грудь, словно стрела вонзилась в самое сердце. От слез она ничего не видела, полутемный закуток поплыл вокруг нее, взор заволокло туманом, только золотистое пятнышко обручья дрожало на коленях у Фрейвида. Ингвильда пыталась вздохнуть, вырвать эту стрелу из груди...

Вдруг туман сам разорвался, блеснул свет. Ингвильда увидела Волчий Камень, перед ним на земле лицом вниз лежал человек, а возле его плеча и шеи быстро расползлось пятно

свежей крови. Ингвильда вскрикнула, сама не зная, вслух или только в душе, – она узнала в лежащем отца, его широкие плечи и разметавшиеся рыжеватые волосы с тонкими нитями седины.

Снова вспыхнул яркий золотой свет и поглотил видение; в глазах потемнело, но тут же Ингвильда увидела настоящую темноту. Где-то в стороне ярко горел костер, освещающий огромное дерево, то ли дуб, то ли ясень. На ветке его тяжело качалось что-то большое, вытянутое, страшное. Нечеловеческое лицо мелькнуло перед взором, искаженное диким страданием, темное, как лик самой Хель*, в ушах раздался короткий сдавленный хрип. Каменный грохот обрушился на Ингвильду, она ощущала, как тысячи и тысячи камней валятся сверху прямо на нее, с громовыми раскатами летят огромные валуны, подсакивают на уступах, мелкая галька скатывается по ее голове и плечам. Ингвильда чувствовала над собой эту каменную лавину и едва могла удивиться, что все еще жива. И вдруг камнепад растаял, наступила тишина, видения погасли.

Фрейвид молча смотрел в лицо Ингвильде: она сидела бледная, выпрямившись и опустив руки, ее глаза были широко раскрыты, а взгляд застыл, по лицу пробежали быстрые судороги ужаса. Холодок пополз по спине Фрейвида, волосы шевельнулись. Его было нелегко напугать, но он уже знал о даре своей дочери. Ее снова посетили видения, а добрые знамения встречают не с таким лицом.

Вдруг Ингвильда вскрикнула и повалилась на лежанку, закрыла лицо руками и зарыдала. Перепуганная Бломма выскочила из закутка, не смея здесь оставаться. Даже Фрейвид не сразу взял себя в руки и решился заговорить. Тело Ингвильды сотрясало от бурных рыданий, а в голосе слышалось такое безнадежное отчаяние, какое, должно быть, мучает вёльву*, прозревающую неизбежную гибель мира и богов.

– Дочь моя! Ингвильда! – наконец решился позвать Фрейвид и положил ладонь ей на плечо.

Ингвильда сильно вздрогнула, резко обернулась, глянула на него безумными глазами и отшатнулась, словно перед ней был восставший из-под кургана мертвец.

– Что с тобой? – стараясь скрыть дрожь, с сердитой требовательностью спросил Фрейвид. Он и в самом деле сердился, как сердится сильный и гордый человек, чувствуя, что не может побороть страх. – Тебе было виденье? О чем оно?

Ингвильда отодвинулась от него как можно дальше, насколько позволяла длина лежанки в тесном закутке. За занавесом тоже было тихо: хирдманы напряженно и тревожно прислушивались к разговору хёвдинга с дочерью-ясновидящей. А Ингвильда снова закрыла лицо руками, как маленький ребенок в попытке спрятаться. Она дрожала после пережитого потрясения и не находила в себе сил рассказать отцу о том, что видела его мертвым. Произнести вслух, даже допустить мысль о подобном для нее было более страшным и кощунственным, чем своими руками попытаться обрушить один из опорных столбов Тюрсхейма. Но первое из страшных видений стояло у нее перед глазами, она могла подробно рассмотреть лежащее тело, и у нее не было никаких сомнений: Фрейвид хёвдинг лежал убитым перед священным Волчьим Камнем в святилище Тюрсхейм. Таков был конец дороги, на которую он сейчас вступал.

– Что открыли тебе боги? – настойчиво спрашивал Фрейвид. – О чем они предупреждают нас?

– Я видела горе, – выговорила наконец Ингвильда, и никакими силами из нее сейчас нельзя было бы вытянуть более подробный ответ. – Я знаю одно, – тихо сказала Ингвильда, опустив руки, но не глядя на отца. – Вероломство порождает вероломство, горе и гибель. Не нужно этого делать, отец. Это обручение не принесет ни радости, ни чести никому из нас.

Фрейвид не сразу ответил: неподдельный ужас его разумной, сдержанной и послушной дочери смутил его, и на миг он почти поддался ее уговорам.

Но только на миг. Обещанные несчастья были слишком далеки и расплывчаты. А выгоды от ее обручения – вот они, уже почти в руках. Почетное родство, почти неограниченная власть над Квиттингом, – пока конунга не будет в стране, у Фрейвида не найдется здесь соперников. А потом, когда Стюрмира не станет и у власти окажется муж Ингвильды... Может быть, на этом пути и притаились какие-то ловушки. Но Фрейвид привык верить в себя и свои силы. Его путь и раньше не был особенно глэдким, но если он справлялся с неприятностями раньше, так почему бы ему не справиться и потом? Особенно с теми возможностями, которые перед ним сейчас открываются?

– Я согласен с этим, как согласится и всякий разумный человек, – сурово ответил он. – Из дурного зерна не может вырасти ничего хорошего. Вероломство всегда породит только вероломство. Это неплохо бы помнить нашим бывшим гостям-фьяллям. Разве не вероломно с их стороны разорить мою усадьбу после того, как я целый месяц давал им пристанище, кормил и лечил их, да еще и продал железо? Чем был их поход, если не вероломством?

Ингвильда наконец посмотрела на отца. Он ничего не понял.

– Фьялли первыми нарушили обеты дружбы! – настойчиво повторил Фрейвид, как будто убеждал не только дочь, но и самого себя. – Никто тебя не осудит, если ты отдашь это обручье Вильмунду ярлу. Ты не опозоришь своего отца и не заставишь обручать тебя без тебя самой?

– Ты волен поступать как тебе угодно, хёвдинг, – тихо и безразлично ответила Ингвильда. – Но я обещана Хродмару сыну Кари и по доброй воле не буду принадлежать никому другому.

Возбуждение, принесенное видениями, уже схлынуло, в душе осталась гулкая пустота. Ингвильде не хотелось спорить, убеждать – она просто знала, что это не нужно. Фрейвид может нарушить обещание, данное фьяллям. Но сама Ингвильда не могла отступить от обетов, которыми обменялись они с Хродмаром не в гриднице перед людьми, а наедине. Обетами, которые слышали только они двое да еще богиня Вар*, хранительница людских клятв.

Фрейвид вышел, оставив Ингвильду успокаиваться и одеваться и опять прислал к ней Бломму. Обручье он пока оставил у себя. Ингвильда одевалась к пиру, не замечая, какие одежды и украшения подает ей служанка. Бломма расчесывала ей волосы, а Ингвильда снова вспоминала свое видение. Тьма, полная огненных отблесков, вытянутое человеческое тело, висящее на дереве, – жуткое зрелище отталкивало ее, но она, преодолевая ужас и отвращение, пыталась мысленно взглянуть и понять, что же обещает ей судьба. Но видение ускользало и прятало от нее свой смысл. Одно было ясно: кого-то из тех, кого она знает, ждет страшная смерть, и это событие окажет огромное влияние на судьбу Ингвильды... и, может быть, не только ее. Ингвильда сознавала, что отец толкает ее на гибельный путь, но и сам идет по нему впереди нее.

Ее терзали противоречивые чувства: судьба всесильна, от своей участи не уходил ни один из героев древности; но, с другой стороны, ее видения – как вторая руна в трехрунном раскладе при гадании: они указывают, что *может* произойти, если человек не свернет с нынешней своей дороги. Однажды ее видения спасли домочадцев, побудив уйти из Прибрежного Дома. Может быть, и теперь еще не поздно изменить что-то к лучшему? Но как? Ее саму Фрейвид хёвдинг не слушает. А у кого можно искать поддержки, кто обладает таким влиянием, чтобы переломить волю упрямого хёвдинга? Конунг Стюрмир? Но он, видимо, хочет того же. Кюна Далла? К ней не прислушивается даже муж, а Фрейвид ее презирает.

В памяти Ингвильды мелькнули смутные обрывки разговоров, что, мол, Лейринги во главе с фру Йорунн жаждут выдать за Вильмунда ярла свою Мальфрид... Ингвильда тер-

петь не могла сплетни и никогда не прислушивалась к досужей женской болтовне. Однако если это правда, то Лейринги будут ее невольными союзниками, поскольку расстройство ее обручения с Вильмундом послужит к их прямой выгоде. Ингвильда ненадолго задержалась на этой мысли, потом опустила голову. Чтобы она искала дружбы с Лейрингами? Шепталась, рассчитывала, лукавила? Даже думать об этом было противно.

Но... Вильмунд... Ей вспомнилось, как они стояли рядом во время жертвоприношения и как он сжимал ее руку, стараясь подбодрить. Да, он изменился за эти месяцы, повзрослел и поумнел, стал лучше понимать жизнь. Тот, кому случалось бывать в опасности, становится более чуток к знамениям. Может быть, хоть его-то ей удастся убедить? Ингвильда не слишком верила, что властный и упрямый Стюрмир конунг посчитается с волей своего юного сына больше, чем Фрейвид считается с ней самой, но она нуждалась хоть в какой-то опоре.

Когда Фрейвид Огниво в окружении родичей и домочадцев шествовал к усадьбе Лейрингагорд, никто по их виду и заподозрить не мог бы, что самоуверенный хёвдинг только что получил недобрые знамения на будущее, а его прекрасная и благоразумная дочь впервые в жизни осмелилась противиться воле отца. Еще не совсем стемнело, но челядинцы с горящими факелами в руках окружили семью хёвдинга, и они шли в огненном кольце, как боги, озаренные небесным сиянием. Сегодня был значительный день в их жизни.

Двор Лейрингов напоминал муравейник. В домах и на дворе сновали нарядно одетые люди, из дверей и дымовых отверстий неслись, перебивая друг друга, запахи жареного мяса и рыбы, разных похлебок, душистого меда. Ингвильда беспокойно оглядывалась по сторонам, не зная, на что решиться. Сейчас они пройдут в гридницу, их усадят за столы, Вильмунд будет за мужским столом очень далеко от нее, и она не сможет сказать ему ни единого слова.

Ингвильда схватила Бломму за руку и притянула к себе.

– Пойди разыщи Вильмунда ярла, – шепотом приказала она. – Скажи, что мне нужно поговорить с ним, пока не начался пир. И приведи его на задний двор, туда, в угол за стену. Помнишь?

– Ой! – Бломма сморщила нос.

В прошлом году, когда она тоже приезжала с фру Альмвейг и Ингвильдой на осенний тинг, какой-то пьяный хирдман Лейрингов чуть не утащил ее в угол за отхожим местом, и это неприятное событие навек врезалось ей в память. Ингвильда тоже без удовольствия вспоминала шум по этому поводу, да и место для свидания с сыном конунга было мало подходящим, но выбирать не приходилось.

– Иди! – прошипела Ингвильда и подтолкнула служанку к гриднице. – Наверняка он уже здесь.

Сама она замедлила шаг; Фрейвид вопросительно обернулся.

– Идите, – стараясь скрыть дрожь в голосе, сказала Ингвильда. – Я... зайду ненадолго в девичью. Мне надо... кое-что поправить.

– Не задерживайся. Нас ждут.

– Я провожу тебя, – сказал Оддбранд Наследство. – Хирдманы Лейрингов, как и хозяйева, пьяны с утра. Лучше, если с тобой будет надежный человек.

Фрейвид со всеми вошел в дом, а Ингвильда помедлила, делая вид, что собирается войти в дверь полуземлянки, а потом поспешно завернула за угол. Ее не пугало то, что Оддбранд станет свидетелем свидания: обладая независимым нравом, он и за всеми остальными признавал право решать свою судьбу по-своему. Вздумай йомфру* бежать из дома с тем же Хродмаром, Оддбранд и не подумал бы им мешать.

Может быть, Оддбранд удивился, что дочь хёвдинга выбрала такой странный путь в девичью, но ничего не сказал. Даже увидев, что она миновала двери отхожего места и завернула за угол длинной бревенчатой постройки, он оставался невозмутим. Между задней стеной отхожего места и земляной стеной усадьбы имелось пространство шага в два шириной,

заваленное мелким мусором. Земля была порядком утоптана: должно быть, Ингвильда не первой придумала использовать этот закоулок для свидания без посторонних глаз. Оддбранд встал возле угла постройки и упер руки в бока, всем видом выражая намерение никого сюда не пустить.

Место было не слишком приятное, да и от стены отхожего места тянуло запахом, с которым мирятся только по суровой необходимости. Ингвильда нетерпеливо переступала с ноги на ногу, беспокойно обхватив себя за плечи, и гадала, долго ли ей придется ждать. Каждое мгновение тянулось долго и мучительно: ее унижали это место, и скрытность этой встречи, и все то, что ей предстояло сказать Вильмунду. А если кто-то увидит ее здесь? Она не сомневалась, что Вильмунд охотно придет на ее зов, но скоро ли Бломма сможет его разыскать?

– Я вижу сына конунга, – спокойно обронил Оддбранд, не оборачиваясь. – Не его ли ты ждешь?

– Да, его! – с облегчением воскликнула Ингвильда.

– Значит, я его пропущу, – отметил Оддбранд. – Хотя мне казалось, что уже на днях у вас появится сколько угодно времени для бесед наедине.

Ингвильда не ответила. Хирдман посторонился, и в закуток шагнул Вильмунд. Легкое недоумение на его лице при виде Ингвильды сменилось радостью, и он шагнул к ней, протягивая руки.

– Я не очень-то поверил! – обрадованно воскликнул он. – С какой стати тебе было звать меня в такое место? Но все равно я так рад!

Ингвильда попыталась уклониться, но Вильмунд крепко обнял ее и поцеловал, не замечая того, что она уперлась руками ему в грудь. Он, как видно, уже обо всем знал и обращался с ней как со своей собственностью. Сейчас Ингвильда могла бы подумать, что разлука и перемены сказались на нем не лучшим образом: перестав робеть перед ней, Вильмунд оказался очень сильным. Раньше, живя у Фрейвида, он не позволял себе такой настойчивости. Как видно, месяцы похода наградили его опытом и такого рода тоже.

– Пусти! – сначала просительно, потом сердито воскликнула Ингвильда, отворачивая лицо, но Вильмунд не слушал и горячо целовал ей шею и щеку, пытаясь добраться до губ. – Пусти же! – повторила Ингвильда и даже ударила его сжатым кулаком по плечу.

Эти непрошенные знаки любви показались ей нелепыми и унижительными. Мелькнула беспокойная мысль – а что же будет потом? При виде радости Вильмунда ей стало еще более стыдно и неловко. Она вспомнила, как давно он мечтал о женитьбе на ней, и вдруг поняла, до чего глупо было с ее стороны надеяться найти в нем союзника. Да он же просто счастлив, что их хотят поженить!

Но раз уж она пришла сюда говорить с ним, это нужно было сделать.

Ее сопротивление не слишком ему мешало, но Вильмунд хотя бы понял, что его предполагаемая невеста противится не из стыдливости, а всерьез.

– Чем ты недовольна? – весело спросил он, не выпуская ее из объятий. – Ведь сегодня уже наше обручение, а завтра или послезавтра будет свадьба. Даже если кто и увидит – только посмеются, что нам так не терпится. И это чистая правда!

Вильмунд смеялся, и видно было, что мысли о близкой свадьбе доставляют ему большое удовольствие.

– Пусти меня! – настойчиво повторила Ингвильда.

– Послушай ее, ярл, – спокойно посоветовал Оддбранд, стоявший к ним спиной и заслонявший закуток между стенами от чужих глаз. – Если ты вздумаешь обидеть йомфру Ингвильду, то твой высокий род меня не остановит.

Ингвильда была благодарна Оддбранду за эти слова; они не слишком встревожили Вильмунда, но он, по крайней мере, опомнился, посмотрел ей в лицо и выпустил. Глаза Инг-

вильды смотрели на него так же строго, как бывало в детстве, без следа той любви, которую он мечтал увидеть.

– Я пришла поговорить с тобой! – решительно начала Ингвильда, которой хотелось скорее покончить с этим разговором. – У нас мало времени, слушай внимательно. Я не могу быть твоей женой, я обещана другому.

– Кому? – коротко выкрикнул Вильмунд, и его лицо вдруг стало злым. Он несколько не удивился. – Тому рябому уроду? Мне рассказывали, но я не мог поверить, что ты или твой отец решились на такую глупость! Да, я слышал, что Фрейвид чем-то провинился перед ними и должен был расплачиваться. Но не тобой же! А теперь все это в прошлом! У нас война с фьяллями, и ни один сумасшедший не посчитает, что ты обязана держать слово!

Ингвильда смотрела в его ожесточившееся лицо, и на память ей пришел тот далекий день Средины Лета. День, когда Вильмунд поссорился с Хродмаром и сам своими злыми словами заставил Ингвильду заговорить с Хродмаром о любви. Со всей ясностью она поняла, что ее надежды на забвение ссоры были наивными совсем по-детски. Озлобленность Вильмунда шла из самого сердца; такая злоба не проходит и за десятилетия. Врага, вызвавшего ее, разыскивают всю жизнь, а если судьба не позволяет отомстить, долг мести завещают наследникам. И с каждым поколением такая месть приобретает все больший вес, делается священной. «Почему?» – уголком сознания изумилась Ингвильда. Что такого произошло тогда между ними тремя? Может быть, Хродмар в глазах Вильмунда посягнул на его первое настоящее сокровище – на Ингвильду и ее чувство, а значит, стал его первым настоящим врагом. А первая ненависть, как и первая любовь, врзается в сердце глубже всех.

– Послушай меня! – настойчиво заговорила Ингвильда. – Я всегда верила, что ты будешь достойным человеком и славным конунгом. Но я вовсе не хочу быть твоей женой. И боги против этого. Мне было видение. Судьба готовит нам всем что-то очень страшное, если вы будете настаивать. Так или иначе, отец дал фьяллям слово...

Она понимала, что рассказ о ее любви к Хродмару только причинит Вильмунду боль и ожесточит его. Но он так молод – не может быть, чтобы его понятия о чести и верности слову были так же послушны велениям выгоды, как и у Фрейвида. Однако Вильмунд смотрел на нее сузившимися от гнева глазами, без тени понимания или сочувствия.

– Время сильно переменило нас обоих! – сказал он. – Вспомни, что ты сама говорила мне раньше. Что ты говорила мне в тот самый день, когда к нам... к вам в Прибрежный Дом приплыли эти фьялли с своей «гнилой смертью»? Жаль, что Хель не пожрала их всех до одного! Ты тогда говорила мне, что каждый должен следовать своему долгу и стараться прославить свой род, даже если для этого придется заниматься не очень-то желанным делом! Так ты утешала меня, когда я, дурак, не хотел уезжать от вас! В одном я был прав – мне стоило убить того рябого уродя прямо тогда, не дожидаясь, пока он выздоровеет! Что же ты теперь не вспомнишь о долге? Самый глупый раб сообразил бы, что теперь велит тебе долг! Разве ты не хочешь, чтобы твой отец стал родичем конунга? Отец решил сам ехать к слэттам, а вместо себя он оставит правителем или Гримкеля, или Фрейвида. И выбор будет зависеть от того, состоится ли свадьба. Разве ты хочешь, чтобы Гримкель правил Квиттингом вместо твоего отца? Что же ты не вспомнишь о своем долге?

– Но это совсем другое! – воскликнула Ингвильда, перебивая его горячую речь. – Совсем другое! Я говорила тебе о чести и доблести! А сейчас меня побуждают нарушить слово, которое я дала другому. Если я нарушу обещание, разве это сделает мне честь? Хорошенький подвиг! Мой отец будет ославлен как не умеющий держать слово! А фьялли будут мстить! И отцу, и тебе!

– Я только этого и хочу! – яростно крикнул Вильмунд. Он подался к Ингвильде и хотел схватить ее за плечи, но она отшатнулась, и в глазах ее было такое отчуждение, что он даже в

порыве ярости не посмел настаивать. – Я только и хочу, чтобы встретиться с ним и рассчитаться, кто кому и за что должен!

– Так сделай это! – крикнула Ингвильда. – Или ты забыл? Вы с ним дали друг другу и богам обет встретиться снова в день Середины Зимы*. Если бы он был бесчестным, он мог бы увести меня из дома. Он этого не сделал. Я дала ему слово. И пока он...

– Хорошо! – перебил ее Вильмунд, не дослушав. – Пусть! Я сначала убью его, а потом возьму тебя в жены. Ты полагаешь, у тебя есть жених, – так скоро его не будет! Тогда ничто не будет тебе мешать!

– Будет! – тихо сказала Ингвильда. – Я не люблю тебя.

– Ну и что? – раздельно и нарочито спокойно ответил Вильмунд. Он взял себя в руки и почти успокоился. – Многие женщины так говорят... поначалу.

Он усмехнулся, в упор глядя на Ингвильду, и в его глазах было что-то такое нехорошее, что ей захотелось зажмуриться и не смотреть. Вильмунд вполне представлял себе средства, которыми думал привести Ингвильду к покорности и любви. Но она нашла в себе силы не отвести глаз.

– Хорошо, – тихо сказала она. После недавних криков они оба вдруг стали говорить чуть слышно, но оба чувствовали, что боги остаются свидетелями их разговора. – Ты хочешь убить его – попробуй. Но жив он или мертв, я не буду твоей женой никогда. Для меня он единственный на свете.

– Еще бы! – Вильмунд усмехнулся с неприкрытой издевкой. – Второго такого уродца не найдешь на всем Морском Пути! Разве что среди троллей.

Он видел, что потерял дружбу Ингвильды безвозвратно, но хотел получить хотя бы то, что можно получить силой.

– А если ты попытаешься взять меня в жены, – переждав его слова, продолжала Ингвильда тем же голосом, как будто обогнула камень на дороге, – то знай: я самому Бальдру* скажу, что принадлежу другому³. Ни боги, ни люди не признают наш брак.

– Я уже все понял. Хватит болтовни. В гриднице нас заждались. А то все пиво кончится.

Вильмунд криво усмехнулся и шагнул в сторону, намереваясь пропустить Ингвильду вперед, но она отступила и коротко мотнула головой – она вовсе не хотела оставлять Вильмунда у себя за спиной. Отныне они были врагами, и даже такого маленького знака доверия она не намеревалась ему оказать.

Пожав плечами, Вильмунд первым вышел из закутка и направился к дверям хозяйского дома. Ингвильда медленно шла за ним, стараясь восстановить покой если не в мыслях, то хотя бы на лице.

Возле самых дверей кто-то вдруг придержал ее за локоть. Она резко обернулась и увидела Оддбранда Наследство.

– Ты понимаешь, что я все слышал, йомфру, – обыкновенным голосом сказал хирдман. – И вот что я тебе скажу. Люди говорят: кто предостерег, тот не виноват. Ты сделала все, что могла. Теперь пусть Вильмунд ярл пеняет на себя. И боги не принимают всерьез клятвы, данные под угрозой силы. Теперь ты имеешь право слушать только свое сердце. И можешь во всем рассчитывать на меня.

Ингвильде стало легче от этих слов. Даже не обещание помощи порадовало ее, а признание ее правоты: это сейчас было ей необходимо. Она хотела поблагодарить Оддбранда, но успела только кивнуть несколько раз и торопливо прошла в двери.

В гриднице, где все гости уже были рассажены по местам и сама кюна Далла сияла пестрым нарядом в середине женского стола, не хватало только ее. Гости гудели в ожидании первых кубков, но никто не спрашивал, кого все ждут. Слухи о сговоре разлетелись по

³ В святилище Бальдра приносились брачные обеты.

Острому мысу быстрее огня по сухой траве, и все гости до последнего знали, что этот пир будет пиром в честь Вильмунда ярла и Ингвильды, дочери Фрейвида Огниво.

Весь вечер молодой Вильмунд ярл почти не отводил глаз от золотого обручья у себя на руке. Фрейвид хёвдинг не обманул, оно действительно обладало чудесными свойствами: едва лишь Вильмунд надел его, как золотая полоска сжалась и обхватила его запястье так ловко и плотно, как будто была выкована и подогнана нарочно для него. Блеск золота, белые искры камешков в глазах дракона, чудесная работа привлекали всеобщее внимание; Вильмунд однажды подумал с усмешкой, что из-за обручья ему завидуют даже больше, чем из-за невесты. Но Ингвильда не отвечала на его улыбки, она вообще не смотрела на него.

– Отчего ты такая невеселая, дочь моя? – тихо, со скрытым ехидством шепнула ей кюна Далла. Она была старше Ингвильды всего на два года, и обращение «дочь моя» в ее устах было насмешкой. – Разве ты не рада, что со временем станешь кюной? Уже скоро ты будешь сидеть на этом месте рядом со мной каждый день. А потом, может быть, и вовсе вытеснишь меня. Мой доблестный конунг немолод, но задирист, как мальчишка, а у нас скоро будет война. Стоит ему погибнуть – и почетное место займет жена молодого конунга, а меня, бедную вдову, отправят с глаз долой! Ты уж пожалей меня с моим малышом, не оставь нас без крова над головой!

Все это тоже было похоже скорее на насмешку: уж чего-чего, а лишить себя крова и хлеба дочь Бергтора Железного Дуба из рода Лейрингов никому не позволит. В заботах о своей выгоде эта молодая женщина была отважна и неутомима, о чем знал весь Квиттинг.

Ингвильда повернула голову и с непочтительно-прямым интересом посмотрела на кюну Даллу. По рождению они были равны, и только брак с конунгом поставил Даллу выше, поэтому Ингвильда не робела перед ней. Слова Даллы указали ей еще одну сторону этого дела. Далла, при всей показной скромности, была честолюбива и завистлива. Зачем ей рядом еще одна кюна? Зачем ей вообще женитьба Вильмунда, а потом рождение его детей? У Даллы тоже имеется ребенок – сын Бергвид, которому вскоре после осенних пиров исполнится год. Как сказал бы Вильмунд, самый глупый раб догадается, кого кюна Далла в мечтах видит на верхней ступени Престола Закона, с Кубком Конунгов в руках ⁴. Конечно, Бергвида, и ей вовсе не нужна женитьба Вильмунда, его новая сильная родня, будущие сыновья, которые вырастут одновременно с Бергвидом и преградят ему путь к престолу конунгов. Ее самая пылкая мечта наверняка сейчас заключается в том, чтобы Вильмунд ярл доблестно погиб, не успев оставить наследников.

– Нет, я не рада, – наконец сказала Ингвильда. Далла смотрела на нее с недоверием, ожидая какого-то подвоха. – У себя дома я была хозяйкой, а в Конунгагорде такой не буду. И я не хочу, чтобы фьялли мстили моему мужу и моему отцу за нарушенные обеты.

Кюна Далла помолчала в ответ, задумчиво обгрызая косточку гусяного крыла. На ее лице отражалось сомнение. Она-то, в отличие от Ингвильды, не пропускала ни одной сплетни и знала о неполном, условном обручении Ингвильды с фьяллем, родичем Торбранда конунга. Выходит, дочь Фрейвида предпочитает хранить верность первому жениху. Что именно тянет ее в далекий Аскефьорд, кюна Далла не задумывалась, на уме у нее были только последствия, касающиеся ее самой: дочь Фрейвида не хочет выходить за Вильмунда ярла. Это очень устраивало кюну Даллу, и она ощутила прилив воодушевления: дело можно было обернуть к своей пользе!

– Послушай, – тихо и вкрадчиво начала кюна Далла, склонившись к Ингвильде с истинно родственной нежностью. – По-моему, богам не понравится, если тебя выдадут замуж против воли. Завтра Стюрмир конунг объявит с Престола Закона о вашем сговоре, тут

⁴ В древности кубок служил символом власти.

уже ничего нельзя изменить. Но я постараюсь сделать так, чтобы он не назвал точного срока свадьбы. И чтобы на этом тинге она не состоялась. А там придется ждать, пока конунг вернется от слэттов... а до тех пор может пройти много времени. Мало ли что случится за зиму?

Ингвильда только посмотрела на кюну и ничего не ответила. Она достаточно хорошо знала Даллу из рода Лейрингов, чтобы не ждать от нее бескорыстной помощи. Ингвильде было неприятно, словно она прибегает к постыдному средству, но злоба Вильмунда изрядно ожесточила ее и сделала менее разборчивой. К тому же ей самой не пришлось ни намекать, ни уговаривать, ни заискивать. От нее требовалось только одно – не мешать, а кюна Далла все сделает сама. И в данном случае на нее вполне можно было положиться: эта женщина по своей сути была той каплей, которая мягко и незаметно долбит камень и в конце концов добьется цели вернее, чем сам молот Мйольнир*.

За время долгого пира кюна Далла как следует обдумала дело и приступила к действию незамедлительно. Когда Стюрмир конунг почувствовал усталость и ушел спать, она тут же последовала за ним в спальный покой – отгороженную от гридницы клетушку, почти все пространство которой занимала широкая лежанка.

– Послушай-ка, конунг! – заговорила Далла, неспешно снимая с себя многочисленные золотые украшения. – Я вижу, что вышла замуж за очень умного и дальновидного человека!

– Я рад, что ты меня ценишь! – снисходительно отозвался Стюрмир.

Он никогда не советовался с женой в делах страны, оставив ей только хозяйство, и о сговоре Вильмунда она узнала так же, как и все посторонние. Стюрмир ждал от нее упреков и был приятно удивлен похвалой.

– Ты очень верно придумал сговорить Вильмунда с дочкой Фрейвида! – продолжала кюна. – Теперь ты можешь спокойно ехать к слэттам и оставаться там хоть всю зиму, не беспокоясь о Квиттинге. Конечно, ты и раньше мог надеяться на моих родичей, как на самого себя, но Лейринги – это только Южная Четверть. Теперь же ты можешь считать, что и все Западное побережье висит у тебя на поясе, крепко застегнутое на Фрейвида. Да и Медный Лес в придачу.

– У меня умная жена! – с хмельным удовольствием отозвался Стюрмир. – Умнее всей своей родни. Что-то твои дядьки и братья сидели хмурые. Не думали же они, что и мой сын тоже возьмет себе жену из вашего вороньего гнезда!

– А почему бы и нет! – воскликнула кюна, задетая насмешкой и от обиды забывшая тонкий ход своих речей. – Наша Мальфрида ничуть не хуже этой Ингвильды! Ведь они с Вильмундом не родня по крови!

Стюрмир конунг рассмеялся, и Далла опомнилась. Говорить о Мальфриде сейчас было не время.

– Но я хотела сказать не об этом! – продолжала кюна. – Еще умнее ты поступишь, не назвав точного срока свадьбы.

– Это еще почему? – Стюрмир перестал смеяться. Только сейчас он заподозрил, что жена завела этот разговор неспроста. – Фрейвид обидится, если мы не сыграем свадьбу еще здесь, на тинге.

– А ты подумал, что может случиться в Эльвенэсе? Вдруг Хильмир конунг захочет для укрепления союза предложить нам женщину из своего рода? Сам ты уже женат, и я, поверь мне, не собираюсь умирать. Остается Вильмунд.

Стюрмир конунг ответил не сразу – такая возможность не приходила ему в голову. На сей раз правота жены была настолько очевидна, что от нее отмахнулся бы только последний безнадежный дурак. А Стюрмир конунг, хоть и не славился благоразумием, дураком отнюдь не был.

– У Хильмира конунга в роду нет подходящей женщины, – неуверенно пробормотал он, обдумывая новую мысль. – У него только дочь Альвборг, та, что овдовела и вернулась

домой с дочкой. Но ей уж под тридцать, а дочке ее всего семь. Только Один и Фригг* знают, проживет ли она еще семь лет. Не станет же Хильмир предлагать нам саму Альвборг! Она лет на десять старше Вильмунда!

– Во-первых, не на десять, а только на восемь, – поправила Далла. Ревнуя ко всем знатым красавицам Морского Пути, она точно знала возраст каждой из них. – Ей всего двадцать пять. А во-вторых – ну и что? – Далла с небрежной насмешкой повела плечом. – Кому и когда это мешало? Ради такого союза можно взять жену и на двадцать лет старше!

И Стюрмир конунг не возразил. В самом деле: когда речь идет о союзе двух могущественных держав, соотношение возраста жениха и невесты значит очень мало.

– Нет, погоди! – Словно проснувшись, Стюрмир резко затряс волосами. Его лицо, красное после пира, стало багровым от досады. – Что ты мне такое говоришь, женщина? Ты в своем уме? Я, видно, настолько пьян, что сразу не сообразил и слушаю твои безумные речи! Ты что же, думаешь, что я нарушу слово, которое только что дал Фрейвиду! Что я велю сыну отдать обратно то обручье, которое он получил? Кстати, я от тебя до сих пор не видел подобных сокровищ! Ты что же, думаешь, что я окажусь таким подлецом? Сначала при сотне свидетелей пообещаю женить Вильмунда на дочери Фрейвида, а потом вдруг возьму и привезу ему невесту из слэттов? Тьфу, возьми... – Стюрмир хмыкнул, словно подавился, но все же не посмел послать к троллям* мать своего младшего сына.

Не закончив фразу, он в гневе повернулся к жене спиной и вскоре уже захрапел, надрывно и мучительно, как всегда храпел спяну. Разговаривать с ним теперь было так же бессмысленно, как вот с этим столбом лежанки.

Кюна Далла, обиженно поджав губы, разделась и легла, стараясь не прикасаться к сердитой спине своего повелителя. «Сокровище! – с обидой и негодованием думала она. – Каких еще сокровищ тебе надо, старый ты кабан! Как будто наш сын недостаточное сокровище!»

Впрочем, ее не так легко было смутить, а к презрительным и гневным словам мужа она привыкла. Стюрмир был бы изумлен, если бы узнал, как хорошо она запоминает каждое такое слово. А главное она сделала – заронила в его душу семена сомнения. Конечно, Стюрмир скоро сообразит, что, имея родичем могущественного и богатого конунга слэттов, можно без боязни поссориться с хёвдингом Западного побережья. И Далла не сомневалась, что к утру Стюрмир это поймет. А если Вильмунд потом вздумает возмущаться и настаивать на браке с Ингвильдой, ну, что же... Ссора между Стюрмиром и Вильмундом была пределом мечтаний кюны Даллы.

Наутро вся долина тинга была заполнена народом. Многоголовое людское море бурлило вокруг Престола Закона. Рассказывали, что сам Тюр снес своим мечом верхушку скалы, сделав гладкую ровную площадку с несколькими уступами. На нижнем уступе обсуждались тяжбы, здесь выступали с речами жалобщики и свидетели. Со средних говорили знатные люди. Наконец, на верхнюю площадку имели право подниматься только конунг, его родичи и жрецы.

Сегодня Стюрмир конунг привел с собой на Престол Закона двоих – своего старшего сына Вильмунда и Фрейвида хёвдинга. Объявив о сговоре Вильмунда с дочерью Фрейвида, он велел сыну показать людям обручье – таким образом, весь тинг, даже те, кто не был вчера приглашен на пир в усадьбу Лейрингов, стали свидетелями обручения. Яркий блеск сокровища был виден даже самым последним рядам толпы, и вся долина восхищенно загудела. Да, это достойный подарок для будущего конунга!

О сроке свадьбы Стюрмир конунг ничего не сказал, но каждый и сам догадался, что такое важное дело не годится делать второпях. Уже на днях Стюрмир собрался отплыть к

Эльвенэсу, где жил конунг слэттов Хильмир, и ему приходилось спешить, пока не начались зимние бури.

Вильмунда ярла Стюрмир конунг оставлял править Квиттингом вместо себя, обязав его слушаться советов Фрейвида хёвдинга и Гримкеля ярла. Принеся друг другу клятвы дружбы и верности, знатные люди разошлись по своим делам, а тинг занялся тяжбами. Но повседневные дела казались мелкими, незначительными и вызывали мало споров. Каждый из бондов и хёльдов понимал – на этом тинге квитты выбрали войну и тем начали тяжбу то ли с племенем фьяллей, то ли с самой судьбой.

Глава 2

Во всех землях Морского Пути отшумели осенние пиры, листья с деревьев почти облетели, снег уже несколько раз принимался идти, но быстро таял. В последние дни наконец ударили морозы, земля промерзла, и конские копыта звонко цокали по ней. Шел легкий влажный снег, и Торбранд конунг с удовольствием подставлял лицо под холодные пушистые хлопья: теперь, когда снег ляжет, кони не будут тонуть в грязи и можно будет выступать в поход.

Они возвращались в усадьбу Чельборг после объезда нескольких глухих долин у истоков реки Аспэльвен, куда в прежних поездках по стране не заворачивали. Тамошние люди никогда не видели конунга у себя дома и, потрясенные этой честью, легче соглашались идти в поход. А Торбранд конунг знал, что в предстоящих ему сражениях ни один человек не будет лишним.

Вернувшись домой в конце лета, конунг фьяллей пробыл в Аскефьорде чуть больше десяти дней. Не дав дружине как следует передохнуть, он отправился объезжать Фьялленланд. Хёльды, ждавшие его только зимой, были изумлены, встревожены и отчасти обрадованы: конунг объявил, что в этом году ему не нужно другой дани, кроме войска, которое должно быть собрано к середине зимы. Многие считали, что неразумно идти на Квиттинг снова после того, как его духи-покровители показали свою силу, но Торбранд был непреклонен. Модольв ярл и Кари ярл, хорошо его знавшие, говорили меж собой, что для квиттов было бы лучше сдаться сейчас и не злить Торбранда конунга бесполезным сопротивлением. Сейчас его жажда мести приобрела сходство с одержимостью берсерка. Он не хотел слушать никаких советов и призывов к осторожности.

– Потому я и собираю войско зимой! – отвечал он тем, кто со страхом вспоминал Большого Тюленя. – Мы пойдем по суше, через землю раудов. Мы войдем на Квиттинг с севера, а их север мало заселен и там почти некому биться. А пока их конунг соберет войско, мы захватим половину Квиттинга.

Выехав из реденького смешанного леса, Торбранд увидел впереди усадьбу Чельборг – несколько построек из толстенных бревен, серые облака дыма над дерновыми крышами. Они жили здесь уже несколько дней и почти привыкли считать эту усадьбу домом. Конунги фьяллей с отрочества привыкают к долгим разъездам, но сейчас Торбранду вдруг вспомнился Аскегорд, крона священного ясеня над крышей, и в сердце кольнула тоска. Но он прогнал незванный образ – слишком свежим было в памяти зрелище погребального костра кюны Бломменатт и сыновей. Торбранд не так уж сильно любил жену, но сыновья были дороги ему, а потеря всех троих сразу стала жестоким ударом. Впору усомниться, угоден ли он богам как конунг. А когда Торбранда посещали сомнения, он предпочитал не ждать, что подскажут сны, а разрешать их делом.

– Посмотри, Хродмар ярл, вон уже и дым! – с нарочитой бодростью сказал Торбранд, обернувшись к ближайшему из своих спутников.

Хродмар ехал чуть позади него, и по лицу его Торбранд догадался, что мысли молодого ярла, как и его собственные, витают очень далеко от этой унылой равнины. За прошедшие месяцы Торбранд привык к новому лицу Хродмара и с прежней проницательностью угадывал по нему настроение.

Вместо ответа Хродмар сплюнул на землю. Усадьба Чельборг ему решительно не нравилась. Она стояла на пригорке посреди скучной равнины, поросшей редкими осинниками, которые где-то на севере упирались в болото. Единственное, что в ней было хорошего, так это родник под пригорком, который и дал усадьбе название – Родниковая Гора. Хродмару этот родник в песчаной ямке нравился тем, что давал исток Осиновой реке – Аспэльвен,

а река эта впадала в Трехрогий фьорд. Тот самый фьорд на южной границе Фьялленланда, где на Середине Зимы назначен был сбор войска для похода на Квиттинг.

– Я уже видеть не могу этот медвежий угол! – с досадой отозвался Хродмар. – Мы объехали всех, кто способен владеть оружием. Мы взяли клятвы со всех, кто только способен их сдержать, не клялись только веточки омелы моложе семнадцати лет ⁵. Конунг, теперь я пока что тебе не нужен, ведь верно?

– Как я должен тебя понять? – Торбранд придержал коня и подождал, пока Хродмар поравняется с ним. – Ты хочешь от меня уйти? Такого я от тебя не ждал, Хродмар сын Кари! У нас с тобой одна дорога – где лошадка, там и уздечка, не так ли?

Хродмар хмуро взглянул ему в лицо. Напрасно роды-соперники надеялись, что смерть кюны Бломменатт, лишившая Хродмара родства с конунгом, ослабит привязанность к нему Торбранда. Получилось наоборот: за прошедшие месяцы они стали почти друзьями, не так, как конунг и ярл; общая ненависть к квиттинской ведьме и понесенные потери сблизили их.

– На Середине Зимы меня ждут на Квиттинге! – сказал Хродмар.

Торбранд недоуменно двинул бровями:

– Ты что же, собираешься на Квиттинг в одиночестве? Или ты забыл, что мы все туда собираемся? И уже очень скоро?

– Я помню, но ты, конунг, забыл кое о чем, что я тебе рассказывал. Помнишь – у Стюрмира конунга есть очень отважный сынок, Вильмунд ярл. Когда я поневоле гостил у Фрейвида хёвдинга в Прибрежном Доме, мы с Вильмундом поссорились. Я тогда был слишком слаб после болезни, и мы договорились встретиться снова через полгода, на Середине Зимы, на том же самом месте. Я поклялся Тором и Мйольниром. И если я хочу сдержать клятву, то мне пора отправляться.

Торбранд не сразу ответил, и Хродмар поспешно добавил, стараясь предупредить возражения:

– И я не думаю, что кто-нибудь из моих друзей станет меня отговаривать. Надо полагать, и тебе, конунг, не слишком нужен человек, который не умеет держать слово.

Они неспешно ехали к усадьбе впереди растянувшейся дружины. Асвальд Сутулый поглядывал на них издалека, словно надеялся по их лицам понять, о чем идет речь. Слегка прикусив нижнюю губу, Торбранд обдумывал слова Хродмара.

– Напомни-ка мне, из-за чего вышла ваша ссора? – спросил он наконец.

– Не все ли равно? – неохотно отозвался Хродмар. Но конунг молчал, и ему пришлось ответить: – Ему тоже нравилась дочь Фрейвида.

– Та, которая обещана тебе в жены?

Хродмар кивнул. Торбранд внимательно посмотрел ему в лицо:

– И ты все еще думаешь взять ее?

Хродмар снова кивнул.

– Я мог бы найти для тебя невесту и получше, – сказал Торбранд чуть погодя. – Не хуже родом, богатую и не уступающую ей по красоте. Я, правда, не видел дочери Фрейвида, но и без нее есть много красивых девушек. Помнишь дочерей Хедрика Веселого? Отличные девушки и отличное родство. Я сам сосватаю тебе любую из них. Ты ведь не допустишь, чтобы Асвальд или Эрнольв тебя опередили?

Но напрасно конунг старался задеть честолубие Хродмара. Хродмар молчал, глядя куда-то вдаль, и Торбранд добавил:

⁵ Имеется в виду известный миф о смерти Бальдра: его мать, богиня Фригг, взяла клятву со всех металлов и растений не причинять вреда ее сыну, кроме веточки омелы, которая была еще слишком молода и ничего не понимала. Из этой веточки, когда она подросла, коварный Локи* сделал стрелу, убившую Бальдра. Также здесь упоминается обычай, по которому мужчина считался полностью взрослым в семнадцать лет.

– А еще нам было бы очень неплохо породниться с каким-нибудь могущественным человеком из раудов. У них ведь тоже много хороших воинов, а наша война, по правде сказать, представляется мне длинной. Я не хотел бы ронять боевой дух дружины такими пророчествами, но с тобой-то я могу поделиться... Что ты мне скажешь на это?

– Я не хотел бы показаться неблагодарным или неблагоразумным... – начал Хродмар, медленно подбирая слова и избегая взгляда конунга. – Но я обещал взять в жены Ингвильду дочь Фрейвида. И я возьму ее в жены, даже если Фенрир Волк и Мировая Змея* вздумают мне мешать.

– Тебя тревожит обещание, данное Фрейвиду? По-моему, он сам обошелся с вами вероломно, оставив ведьму в живых.

Хродмар опять промолчал. Он не умел и не хотел объяснять, что давно забыл лицо Фрейвида, но хорошо помнит глаза и руки его дочери. Слишком хорошо.

– Значит, тебя тревожат обещания, данные самой девушке. – Торбранд конунг правильно понял его молчание. – Как говорил Властитель, «твоей лишь душе ведомо то, что в сердце твоём». Но я бы сказал, что настаивать на этом браке сейчас – весьма безрассудно.

– Пусть я буду безрассудным, – помолчав, ответил Хродмар. – Но это моя невеста и моя судьба. Прости, конунг, но пусть на дочерях Хедрика хёвдинга женится кто-нибудь другой. Надо полагать, Асвальд будет просто счастлив, если ты сам сосватаешь ему невесту.

– Надо полагать, да! – с досадой передразнил конунг. – Но я хотел бы, чтобы это был не Асвальд, а ты!

Хродмар мягко пожал плечами, давая понять, что ничего поделать не может.

– В конце концов, если найдется очень хорошая невеста... – начал он.

– Что тогда? – оживленно спросил Торбранд, надеясь, что Хродмар одумался.

– Тогда к ней можешь посвататься ты сам. Уж ты, конунг, гораздо лучший жених, чем я!

Торбранд с досадой взмахнул плетью, не зная, рассердиться или рассмеяться. Прошло больше четырех месяцев, но ему все еще казалось, что неостывший погребальный костер где-то рядом, и мысль о новой женитьбе не приходила ему в голову.

– По правде сказать, у меня больше нет желания связываться с женщиной, – негромко, чтобы услышал один Хродмар, сказал Торбранд чуть погодя.

Он понимал, что именно неумеренное честолюбие кюны Бломменатты привлекло к ней ненависть квиттов и вызвало проклятье. Хотя, конечно, это не могло служить оправданием квиттинским ведьмам.

– А кому же ты думаешь оставить власть над Фьялленландом? – тут же безжалостно спросил Хродмар. – Братьев у тебя никогда не было. По крайней мере, Торродд конунг никогда о них не рассказывал, как говорит тетка Ванбьёрга. Так, значит, ты хочешь видеть будущими конунгами ее мужа или сыновей? То есть сына... Все забываю, что Халльмунд... Короче, Хравн хёльд, конечно, не имеет равных в мудрости и справедливости, да и Эрнольв по-своему неплохой парень, только что-то он долго не возвращается от раудов. Может, ему у Бьяртмара конунга понравилось больше и он вообще не вернется? Да и зачем нам вообще эти ребята из Пололого Холма? Вот уж я не думал, что какой-нибудь конунг добровольно передаст власть чужим сыновьям, когда он еще полон сил и имеет возможность завести своих собственных!

Торбранд промолчал. Ответить на эту горячую речь ему было нечего. Да, Хродмар прав, рано или поздно ему придется снова жениться, чтобы дать фьяллям нового конунга. «Но не сейчас! – думал он, молча покачивая головой. – Потом».

– Так ты отпустишь меня? – спросил Хродмар, видя, что конунг совсем забыл о том, с чего они начали разговор.

– Нет! – отрезал Торбранд. – Ты нужен мне. Не забывай, что у нашей мести одна дорога. Мы пойдем на Квиттинг вместе. Ты встретишься с сыном Стюрмира чуть позже. И я сам

позабочусь, чтобы он достался тебе, а не кому-нибудь другому. Твоя честь не пострадает, если ты немного подождешь. Хорошей мести не вредит ожидание. Я прав?

На этот раз его голос звучал твердо: больше он не примет возражений. Хродмар чуть заметно вздохнул, потом обронил:

– Надо полагать, да.

На дворе усадьбы Чельберг к ним бегом бросились хозяйские дети – десятилетний Сигмунд и его старшая сестра Сигне. Четырнадцатилетняя Сигне уже одевалась как взрослая женщина, в платье с узорными застежками на груди, но нравом была еще почти ребенок и нисколько не важничала, как многие девочки-подростки. Оба отпрыска Альверика хёльда кричали, перебивая друг друга:

– А к вам приехали люди! Приехали от конунга раудов!

– Вот как! – Торбранд изумленно поднял брови.

Дети смотрели на конунга с опаской – его острые глаза и длинный нос им не нравились, и они подозревали в душе, что он все-таки тролль. Зато к Хродмару, как это ни странно при его внешности, оба относились с большим дружеским расположением.

– От Бьяртмара конунга, с юга. – Сигне махнула рукой на ворота усадьбы, обращенные к югу. – Приехали искать Торбранда конунга.

Сойдя с коня, Торбранд прошел в дом, за ним поспешил Кольбейн ярл. Модольв Золотая Пряжка, остававшийся на время их поездки в Чельборге, вышел навстречу и начал что-то рассказывать. Хродмар направился к дяде, но кто-то тронул его за локоть. Обернувшись, он увидел Сигне.

– А вы теперь уедете, да? – грустно спросила она.

– Надо полагать, да, – невозмутимо ответил Хродмар и пошел к дому, делая вид, что не замечает желания девочки поговорить с ним подольше.

Непонятно почему, но дети Альверика хёльда из всей конунговой дружины выбрали Хродмара и ходили за ним хвостом, томясь робким любопытством. Из разговоров дружины хозяева знали и о «гнилой смерти», и о пожаре, зажженном ворожкой ведьмы, и о квиттингском чудовище – Большом Тюлене. Хродмар, побывавший во всех этих приключениях, казался волшебным героем вроде Сигурда Убийцы Дракона. Особенно была восхищена Сигне – Хродмар подозревал, что удостоился чести стать предметом ее первой детской любви. А Асвальд сын Кольбейна не ограничился молчаливыми подозрениями и оживленно всем рассказывал, что Хродмар нашел-де новую невесту и думает посвататься. Хродмара это нестерпимо раздражало, и однажды они чуть не подрались, так что самому Торбранду пришлось вмешаться. С тех пор Асвальд попритих, но обида Хродмара не прошла. Разговоры о невесте были для него слишком болезненны. Дошло до того, что он старался не вспоминать Ингвильду, как сидящий в яме пленник старается не вспоминать воздух свободы. Но образ ее приходил к нему против воли: она, новое солнце, которое он увидел, выплывая из мрака смертельной болезни, стала для него всем – светом, жизнью, здоровьем. Без нее он был болен, и другого лекарства не существовало.

В гриднице Хродмар сразу заметил рядом с Торбрандом и Модольвом новое лицо: высокого молодого мужчину с русыми длинными волосами, зачесанными ото лба назад, с заплетенной на затылке косичкой, что указывало на племя раудов.

– Надо же! – услышал Хродмар голос Кольбейна ярла. – Это ты приехал от раудов? И опять не рыжий! Тогда почему же вас так прозвали ⁶?

– Всех рыжих мы еще в Века Великанов прогнали на Квиттинг, – невозмутимо отвечал рауд. – Уж очень они все задиристые. От них нам осталось одно имя.

⁶ Название «рауды» означает «рыжие».

– А я думал, квитты стали рыжими оттого, что едят в голодные годы свою болотную руду! – вставил Асвальд. После того как Торбранд конунг запретил ему задира́ть Хродмара, он не упускал случая поточить свой острый язык об кого-нибудь другого.

– Иди сюда, Хродмар ярл, садись! – позвал тем временем Торбранд конунг. – Как нам тебя называть, ясень меча?

– Меня зовут Гродгард сын Кара, – ответил рауд, когда конунг и его приближенные расселись по скамьям. – Меня прислал к тебе Бьяртмар конунг, а еще его сын Ульвхе́дин ярл и его дочь Ульврун. Даже по большей части йомфру Ульврун, поскольку я из дружины ее мужа, Ингимунда ярла.

– Она здорова? – спросил Торбранд, и его лицо смягчилось, уголки губ опустились книзу, знаменуя улыбку. Он когда-то воспитывался в семье своего дяди Бьяртмара и был привязан к двоюродной сестре, бывшей моложе его на целых десять лет.

– Да, она здорова, только ей теперь приходится много сидеть дома. Вот что она прислала тебе.

Гродгард сунул руку за пазуху и извлек оттуда ивовый прутик, который еще свежим был свернут в тройное кольцо и так высох. Торбранд бережно взял его, подержал в ладонях. Ярлы смотрели на такой подарок с удивлением, а Торбранд улыбался уголками губ, как видно вспоминая что-то далекое и приятное.

– Я непременно побываю у нее, – сказал наконец Торбранд и убрал прутик за пазуху. – Она у себя дома или у Бьяртмара?

– Она у себя. Ингимунд ярл наотрез отказался брать ее.

– Чем же она провинилась? – удивился Торбранд, знавший, что его сестра с самого детства куда больше любила ходить в походы с отцом, чем сидеть дома с матерью. Что неудивительно, поскольку власть в племени раудов передавалась сыну конунга только в том случае, если не было дочери.

– Ровно ни в чем. – Гродгард невозмутимо качнул головой. – Напротив. Фригг наградила ее – она ждет ребенка.

Торбранд охнул:

– И это ты держал напоследок?!

Ярлы заулыбались, даже Хродмар усмехнулся. Таким обрадованным они не видели Торбранда конунга уже много месяцев. Гродгард спокойно переждал поток упреков себе и поздравлений конунгу с будущим племянником, а потом снова заговорил:

– Нет, напоследок я приберег собственно то, с чем меня прислали.

Лицо Торбранда стало серьезным, и все затихли, слушая.

– Во-первых, фру Ульврун приказала передать тебе, что конунг квиттов Стюрмир уплыл с осеннего тинга к слэттам и хочет просить о помощи Хильмира конунга. Он старался не слишком привлекать к себе внимание, но люди Бьяртмара конунга узнали его, когда он ночевал на берегу перед Островным проливом.

– И кто остался править вместо него? – перебил Гродгарда Кольбейн ярл.

– Этого наш конунг точно не знает. Одни говорят – Гримкель ярл, другие – молодой Вильмунд ярл, его сын. А еще говорят, что Фрейвид хёвдинг, тот, что с Западного побережья. Ульвхе́дин ярл думает, что Стюрмир конунг не выбрал одного и оставил править всех троих, чтобы никто из них не забрал себе слишком много власти, пока его самого не будет. А так они уравновесят друг друга: Вильмунд – его сын, Гримкель приходится родичем конунгу по второй жене, а Фрейвид обручил с Вильмундом конунгом свою дочь.

– Что?!

Хродмар вскочил, как подброшенный, и кинулся к Гродгарду, словно тот его оскорбил.

– Это неправда! – яростно крикнул он. – Ваш конунг не может этого знать! Кто вам такое сказал?

– Может быть, ты знаешь больше. – Гродгард удивился, не понимая, почему самые, казалось бы, невинные слова вызвали такую вспышку. – Но как раз это известие самое достоверное из всех. На сговор Фрейвид хёвдинг подарил Вильмунду ярлу золотое обручье чудесной работы, оно по руке всякому, кто его наденет. Говорят, у него есть и другие волшебные свойства. Об этом точно никто не знает, но само обручье видели многие. Все торговые люди только о нем и говорят. По их словам, такого сокровища нет ни у одного конунга, да и вообще на Морском Пути давненько ничего подобного не видали.

– Что обручье? – продолжал бушевать Хродмар, едва слушая его. – Чтоб его тролли взяли! Она не могла, не могла обручиться с Вильмундом!

Асвальд бросил на Хродмара ехидный взгляд, Модольв ярл с горестным состраданием покачал головой. Они-то все отлично понимали. Но и Гродгард был толковым и наблюдательным человеком: он быстро сообразил, что молодого ярла со следами страшной болезни на лице волнует не обручье и даже не обручение, а сама невеста. Отныне чужая.

– Не принимай это так близко к сердцу, Хродмар, – сказал Модольв. – Скорее всего, отец ее заставил. Он наверняка знал, что Стюрмир поедет к слэттам. Я думаю, он сам это и посоветовал. А перед отъездом уговорил Стюрмира обручить их. Фрейвид всегда мечтал иметь побольше власти.

Хродмар взял себя в руки и сел, опустив голову и отчаянно сжимая кулаки. Его хрупкое спокойствие разлетелось в пыль, все его существо со страшной силой рвалось на Квиттинг. Он не мог даже представить, что Ингвильда добровольно согласилась на обручение с Вильмундом, и душа его болела от бессилия помочь ей, вырвать наконец из рук людей, которые считались ей близкими, но ломали ей судьбу. Может быть, пока он сидит в Чельборге, как Хресвельг* в облике орла на краю небес, Ингвильду уже выдали замуж! Ах, как остро и горько Хродмар жалел, что тогда, возле «смотрельного камня», сдержал порыв и не увез ее с собой.

– Так вот, Бьяртмар конунг советует тебе идти на Квиттинг быстрее, пока Стюрмир не вернулся и не привел слэттов, – продолжал Гродгард, обращаясь к Торбранду.

– Нет, спешить я не буду. – Торбранд качнул головой. – Однажды я уже поспешил, и это дорого мне обошлось. Теперь я не перейду за Бликэльвен, пока у меня не будет достаточно людей.

– Недостаток войска тебе возместит Бьяртмар конунг. Он сказал, что сам уже стар для похода, но Ульвхедин ярл и Ингимунд ярл оба пойдут с тобой. Бьяртмар конунг также предлагает скрепить этот союз браком твоего родича Эрнольва сына Хравна и дочери Бьяртмара конунга, йомфру Ингирид, если у тебя нет возражений. Вы с Ульвхедином ярлом начнете поход сейчас, а потом подойдут остальные твои люди. Ты можешь уже сейчас, не теряя времени, занять север Квиттинга по всему течению Бликэльвена, а кого-то из своих людей пошли к Середине Зимы в Трехрогий фьорд. Оттуда мы пойдем по двум дорогам сразу – через наши земли с севера и с моря через западное побережье. Да, у нас тоже слышали про квиттинского тюленя, но не думаю, чтобы Ньёрд* позволил ему бушевать возле побережья Рауденланда. За эту часть пути ты можешь быть спокоен.

– А что Бьяртмар конунг хочет в обмен на помощь?

– Земли до устья Бликэльвена.

– То есть до Золотого озера?

– Ну да. Бьяртмар конунг думает, что это не так уж много.

– Откусывать стоит столько, сколько сможешь проглотить, – проворчал Кольбейн ярл.

– Ты совершенно прав, – доброжелательно согласился Гродгард. – Квиттинг слишком велик, чтобы заглатывать его целиком и сразу, ты не находишь? Покорение даже его заселенных земель потребует больших усилий. А что творится в глубинах Медного Леса, по слухам,

и сами квитты толком не знают. Если ты согласен, конунг, я буду провожать вас. Ульвхедин ярл и Ингимунд ярл уже послали ратную стрелу*.

Торбранд покусывал соломинку, размышляя. Хродмар поднял голову.

– Конунг! – негромко произнес он, но в голосе его была такая мольба, что и камень дрогнул бы. – Конунг, по-моему, рауды предлагают нам очень стоящее дело. Нужно спешить, пока Стюрмир не привел слэттов.

– Если мы начнем сейчас, слэтты могут и вовсе не прийти! – поддержал его Модольв. – Хильмир конунг – очень осторожный человек. Если у него будет хоть тень сомнения в победе, он вообще не вяжется в эту войну.

– Не стоит давать им много времени на сборы, если мы сами не нуждаемся в нем! – продолжал Хродмар. – Нам нужно спешить!

Торбранд незаметно вздохнул и нагнул голову в знак согласия. При всей своей осторожной расчетливости он не мог возразить Хродмару. Все мысли молодого ярла были заняты только невестой, которую у него хотят отнять, и едва ли он мог сейчас рассуждать здраво. Он готов свернуть горы, а на Квиттинге такой настрой будет кстати.

– Хорошо, – сказал наконец Торбранд. – Мы поедем с тобой, Гродгард сын Кара. А ты, Хродмар ярл, не трать силы понапрасну. Ты снова пойдешь к... к той же цели. Только с другой стороны. И уж на этот раз мы не отступим!

До праздника Середины Зимы оставались считанные дни, и в Конунгагорде усердно готовились к жертвенным пирам. Прослышав о скорой свадьбе Вильмунда ярла, гости съезжались на озеро Фрейра из самых отдаленных мест. Как говорил Хьёрт управитель, он каждый день ждет, что к воротам явятся тролли из Медного Леса, тоже жаждущие выпить.

Кюна Далла целый день суежилась, ухитряясь при этом сохранять надменный вид и не упуская случая показать свою власть над всеми домочадцами, но едва ли от ее суеты было много пользы для дела. Сама Ингвильда почти ни в чем не принимала участия. Дома она не смогла бы усидеть сложа руки перед одним из самых больших праздников в году, но сейчас ей все было безразлично. Раз и навсегда она решила не считать Конунгагорд своим домом ни сейчас, ни когда-либо в будущем. А значит, и хлопотать незачем.

Открыв дверь в сени, Ингвильда подобрала платье, чтобы шагнуть за порог, но тут на нее бросился кто-то, летевший навстречу сломя голову. Охнув, Ингвильда подалась назад и прижала к груди кувшин с пивом – она несла его, чтобы отдать отцу, а вовсе не для того, чтобы облить им дочку одного из здешних хирдманов. Девушку звали Арнгуд, но домочадцы давным-давно прозвали ее Глатта, что значит – Гладкая. Во всей ее внешности была какая-то мягкая, шелковистая нежность – в розовой коже, в густых каштановых волосах, даже в рыже-карих глазах, больших и игриво блестящих. По мнению Ингвильды, глаза у Глатты были просто распутные, и она не удивлялась, что в пятнадцать лет та уже пользуется назойливым вниманием всех мужчин Конунгагорда и окрестных усадеб на озере Фрейра.

Охнув в притворном испуге при виде Ингвильды, Глатта ловко обогнула ее и исчезла. Ингвильда шагнула вперед, но тут же наткнулась на Вильмунда. Он бежал со всех ног и ничего, похоже, не видел; Ингвильда вскрикнула, пиво из кувшина плеснуло на него длинным рыжим языком.

– Ах, чтоб тебя! – крикнул Вильмунд, отскочил назад, попытался стряхнуть мокрые пятна с рубахи и только потом глянул вперед, собираясь, как видно, душевно поблагодарить добрую женщину. – Какой козел...

И замер, узнав Ингвильду.

Лицо его являло взору такую смесь смущения и досады, что Ингвильда, первой опомнившись, расхохоталась. Нет, отец совсем неплохо придумал – послать ее за пивом.

– Ах, могучий Вильмунд ярл! – сквозь смех выговорила Ингвильда. – Славно же ты начинаешь свой путь! Пиво валит с ног и берсерков – а ты устоял и сам опрокинул кувшин! Я дам тебе прозвище – Пивная Рубаха! И этот кувшин в придачу! Там еще осталось немного на дне!

Челядь захихикала, пряча улыбки в рукава и бороды. Вот уже много дней домочадцы Конунгагорда никак не могли решить, чью сторону им держать – Ингвильды или Даллы. Но в поединке Ингвильды и Вильмунда каждый выбрал без труда, и сдавленные смешки знаменовали победу Ингвильды.

Вильмунд тоже услышал их, и досада помогла ему прийти в себя. Но ответ он нашел не сразу и только смотрел на Ингвильду злыми и обиженными глазами.

Ингвильда посторонилась.

– Беги, доблестный ярл! – снисходительно сказала она. – Только сначала переоденься и оботрись. А не то самая гладкая девица племени квиттов выскользнет из твоих мокрых рук.

– Раньше ты такой не была, – сказал наконец Вильмунд.

Ему было стыдно, что Ингвильда застала его в погоне за Глаттой, и быть облитым пивом на глазах веселящейся челяди казалось ему настоящим позором. А она, его обрученная невеста, еще смеется над ним! Не так давно он мечтал жить в одном доме с ней – теперь же ему нередко казалось, что лучше бы ей быть где-то подальше.

– Раньше и ты был другим, – ответила Ингвильда.

Его слова ее не удивили: она и сама замечала перемену в себе. Она жила с отцом в Конунгагорде со времени осеннего тинга, то есть уже почти два с половиной месяца, но так и не могла понять, кто она здесь. Челядь и домочадцы считали ее будущей хозяйкой, кюна Далла подчеркнуто обращалась с ней как с гостьей, а сама Ингвильда чувствовала себя пленницей. Если женщина не вправе уехать из дома когда и куда ей хочется – как это еще назвать? Сначала она тосковала и томилась, даже плакала украдкой, а потом вдруг успокоилась и обнаружила прилив каких-то новых сил. Оказалось, что она может быть насмешливой и ехидной не хуже Хёрдис, и насмешки над тем же Вильмундом стали доставлять ей неизведанное ранее удовольствие. Вильмунд бесился, но ничего не мог с ней поделать. Золотое обручье обязывало его быть почтительным с невестой, а возможность мести оставалась где-то в далеком будущем. Она не любила его, а значит, ему нечем было ее уязвить. Фрейвид хёвдинг же хорошо понимал, что является его главным сокровищем, и следил за тем, чтобы будущий конунг никогда не оставался с Ингвильдой наедине.

– Это ты виновата! – вдруг выкрикнул Вильмунд, не сдержавшись. – Ты сама!

Лицо его исказилось гневом, кулаки сжались. А Ингвильда насмешливо, издевательски сузила глаза. Если бы ее увидел сейчас кто-нибудь из домочадцев Фрейвида, то от испуга призвал бы добрых дис*: сейчас в лице ее проявилось такое ясное сходство с Хёрдис, что сомневаться в их родстве не приходилось.

– А кто же еще? – с мстительным удовольствием ответила Ингвильда. – Конечно, я! Это я во всем виновата! Даже в том, что Тюр лишился руки – это я ее откусила! Вот этими самыми зубами. И не подходи ко мне так близко, доблестный ярл, если не хочешь уподобиться богу.

– Не на этой женщине я собирался жениться, – проворчал Вильмунд.

Он был растерян, и растерянность при встречах с Ингвильдой уже стала привычной. Она была все так же красива, но теперь порой пугала его. Это была не та робость первой любви, которую она же вызывала у него всего лишь полгода назад. Это был страх, настоящий темный страх перед ведьмой. Разум не хотел признавать его, но душа слышала его смутный и вкрадчивый голос.

– Хорошо, что ты это уже понял! – одобрила Ингвильда. – А я добавлю, что я вовсе не за тебя собиралась идти замуж. Может быть, скажем людям, что недоразумение разъяснилось и свадьбы не будет?

Но Вильмунд резко тряхнул головой, лицо его из растерянного стало суровым.

– Вот еще! – грубо сказал он и посмотрел в глаза Ингвильде. Взгляд его был острым и напряженным, в нем была та самая злоба, которая до сих пор заставляла Ингвильду содрогаться в душе. – Этот рябой фьялль тебя не получит! Даже не надейся, чтобы я отдал назад твое обручье. Я не отступаю от своего слова. Я обещал взять тебя в жены и возьму, даже если все ведьмы, тролли и великаны будут мешать мне. Начиная с тебя самой!

Ингвильда ощутила приступ бессильной досады, близкой к прозрачной грани отчаяния: да, это правда! Но тут же голос Хёрдис из глубины души подсказал ей ответ.

– Если ты так дорожишь своим словом, доблестный ярл, то тебе неплохо бы вспомнить о том, что ты говорил тому самому фьяллю! Ты обещал встретиться с ним на поединке в день Середины Зимы! А он будет послезавтра! Что-то я не заметила, чтобы ты собирался в дорогу! Или Один обещал дать тебе Слейпнира*, чтобы ты доехал до Тюленьего Камня за один день?

Вильмунд сердито дернул ртом и отвел глаза. Возразить было нечего, но он все же попытался.

– Что-то мне не думается, чтобы рябой тролль сам пришел туда! Как же, поплывет он на Квиттинг ради поединка со мной! Фьялли такие храбрецы, что не ездят в одиночку! Они даже в отхожее место ходят целой дружиной в шестнадцать кораблей! Я не хочу тратить время понапрасну, чтобы съездить к Тюленьему Камню и убедиться, что его там нет!

– Ах! Убедиться в этом было бы совсем неплохо! А вдруг он там? А вдруг он будет ждать тебя и тоже рассуждать о храбрости квиттов? Наша Хёрдис одна не побоялась выйти против целого войска фьяллей!

– Стану я думать о какой-то ведьме! – выкрикнул Вильмунд, выведенный из себя насмешками и невозможностью достойно ответить. – Все вы ведьмы! Вот вернется конунг – тогда мы и покажем твоим фьяллям, как...

Но Ингвильда махнула рукой, словно ей надоело его слушать, повернулась и ушла в девичью. Она дразнила Вильмунда, но почему-то была уверена, что Хродмара и правда нет возле Тюленьего Камня. Что он где-то далеко, где-то совсем в другой стороне, но это не бегство от поединка, а дорога к нему. И к ней. Ингвильда верила, что Хродмар так же хорошо помнит ее, как она – его.

Вильмунд все еще смотрел в дверной проем, в котором скрылась Ингвильда, и вдруг увидел на том же пороге кюну Даллу. Мачеха вела себя не в пример учтивее невесты: не обливала пивом и не колола насмешками. Напротив, на ее миловидном лице было ласковое участие. Обычно Вильмунд не слишком доверял Далле: он был неглуп и понимал, что по рождению является первым врагом маленького Бергвида, а значит, и мачехи. Но сейчас он был слишком раздосадован, чтобы вспомнить об этом.

– Вижу, невеста обошлась с тобой не слишком достойно, – грустно сказала кюна Далла. Вильмунд хмуро двинул бровями, словно такую мелочь не стоило обсуждать, а кюна продолжала: – Боюсь, и мне самой придется плохо в этом доме, когда она станет хозяйкой!

Сказав это, кюна Далла печально вздохнула, поднесла к щеке край головного покрывала с узорчатой пестрой тесьмой, словно готовясь утирать будущие слезы.

– Ну, ты рановато печалишься, кюна! – грубовато-покровительственно ответил Вильмунд. Невысокая ростом мачеха головой не доставала ему до его плеча, и, когда она прикидывалась грустной, молодой ярл чувствовал себя рядом с ней защитником и покровителем. Конечно, если поблизости не было отца. – Ингвильда еще не скоро станет здесь хозяйкой. Не раньше, чем я сам стану конунгом. А отец, я надеюсь, проживет еще немало лет.

– Но когда-нибудь это все-таки произойдет, – с грустной задумчивостью продолжала кюна Далла. – И тогда... У нее суровый нрав Фрейвида хёвдинга. Конечно, для кюны совсем

неплохо быть такой... Но что я буду делать, бедная вдова с маленьким ребенком... Ведь у нас опять война. А на войне даже самый крепкий здоровьем конунг...

– Не надо так говорить! – прервал ее Вильмунд. – Даже если с отцом что-то случится, я никому не позволю тебя обидеть!

– Правда? – Кюна Далла расцвела, как будто сама богиня Идунн протянула ей золотое яблоко вечной молодости, и улыбнулась пасынку с нежной благодарностью.

У Вильмунда дрогнуло сердце: молодая миловидная женщина всегда останется такой в глазах мужчины, даже если он зовется ее пасынком. А ведь если бы Стюрмир решил не сам жениться на Далле, а приберечь ее как невесту для сына, это никого не удивило бы.

– Конечно! – приободрившись, подтвердил Вильмунд. У него polegчало на сердце: ласковые слова и взгляды Даллы укрепили его пошатнувшееся самолюбие, внушили уверенность, что в этом доме у него все же есть друг. А то нахальная челядь, чего доброго, еще подумает, что хозяева в Конунгагорде – Фрейвид хёвдинг и его дочка! – Как же я могу позволить кому-то обидеть мою... родственницу! – Почему-то сейчас он не сразу нашел подходящее слово.

Далла улыбнулась ему с нежным лукавством.

– Как знать? – снова вздохнула она. – Мачеха никогда не сравнится с женой. После свадьбы она быстро заставит тебя забыть, как мы с тобой... Как мы были дружны.

– Никогда! – решительно отрезал Вильмунд, на самом деле веря, что они с мачехой давно связаны крепкой дружбой.

Раньше они не ссорились: для этого они слишком мало виделись, даже жить под одним кровом им пришлось в эту зиму в первый раз. Общая зависимость от Стюрмира сближала их, но прежде Далла не вмешивалась в его дела, и Вильмунд почти не думал о ней. Теперь же у него словно открылись глаза, и он осознал, что живет в одном доме с молодой женщиной, имеющей с ним, быть может, общих недругов.

Кюна Далла загадочно улыбнулась, щечка себя по щеке краем головного покрывала, словно хотела сказать что-то очень значительное. Их беседу прервал один из хирдманов, заглянувший в сени со двора.

– Где Вильмунд ярл? – крикнул он с порога. – А, кюна Далла, хорошо, что ты тоже здесь! Нужно еще позвать Фрейвида хёвдинга. Там прискакал человек с северных границ. Говорит, у него важные новости! Где Фрейвид хёвдинг?

– И Гримкея ярла тоже! – закричала кюна Далла вслед хирдману, убежавшему к гриднице.

Вильмунд торопливо пошел во двор. Все эти долгие дни и месяцы, прошедшие со времени отплытия Стюрмира конунга к Эльвенэсу, он ждал чего-то такого, что заставит его стать конунгом не на словах, а на деле. И вот, похоже, дождался!

К тому времени, когда Фрейвид хёвдинг и Гримкель ярл пришли в гридницу, посланец уже успел рассказать свои новости, и ему пришлось потрудиться еще раз. Гонцу немало мешали причитания кюны Даллы, но он достойно справился с задачей.

– Меня прислал Ингстейн Яблоня, хёвдинг Квиттингского Севера, – рассказывал хирдман. Он не выглядел слишком взволнованным – за долгие дни пути волнение перегорело, и он сам успел притерпеться к своим плохим вестям, чего не скажешь обо всех его многочисленных слушателях от истоков Бликэльвена до озера Фрейра. – На Квиттинг идет огромное войско фьяллей и раудов. Когда я уезжал, даже усадьба Логмунда Лягушки уже была у них за спиной. Ну, то, что от нее сохранилось. Они не оставляют ни одного дома, они сжигают все...

– Ты сказал – и раудов? – перебил Фрейвид.

Гримкель ярл мог бы гордиться проницательностью своей матери Йорунны, если бы помнил об этом.

– Да, Бьяртмар конунг не пошел сам, но послал сына, Ульвхедина ярла. Он привел три или четыре тысячи войска, я точно не знаю. Никто не знает. Те, кто мог сосчитать, теперь рассказывают об этом Одину.

– Да что там считать! – горячо воскликнул Вильмунд и запнулся.

Фрейвид бросил на него только один взгляд, но он снова почувствовал себя глупым и неумелым подростком, который только что приехал к воспитателю и не знает даже, где в его усадьбе отхожее место.

– Посчитать очень даже стоит! – отозвался Гримкель ярл, возбужденно пощипывая свою черную бороду. Вильмунд был благодарен ему за это – ярл хотя бы не думал, что на такую глупую речь и отвечать нечего. – Нам неплохо было бы знать, стоит ли биться с ними или лучше дожидаться конунга.

– А ты, Гримкель ярл, стал ясновидящим и знаешь, когда стоит ждать конунга назад? – язвительно отозвался Фрейвид.

– Об этом, раз уж речь зашла о ясновидцах, лучше спросить у твоей дочери! – не менее ядовитым голосом встала кюна Далла.

На самом деле она была очень напугана: никогда еще ей не приходилось переживать такое событие, как вражеский набег, без надежной защиты Стюрмира конунга.

– Дар моей дочери просыпается только в новолуние, – бросил Фрейвид, даже сейчас не скрывая торжества, что у Ингвильды вообще есть такой дар. Ведь кюну Даллу ни одна из лунных четвертей не одаривала ничем подобным. – А до него осталось всего два дня. Если меня спросят, то я отвечу: стоит подождать новолуния, и тогда моя дочь обратится к богам, чтобы узнать, скоро ли вернется Стюрмир конунг. И если есть хоть малейшая надежда дожидаться конунга с помощью от слэттов, то это нам и следует сделать.

– Дождаться! – закричал Гримкель ярл. – Хотя ты и не успел породниться с этими козлиноголовыми, а глупости от них поднабрался, Фрейвид хёвдинг! Раньше ты не был таким...

Фрейвид не произнес ни слова, но холодный и острый взгляд его голубых глаз заставил Гримкеля опомниться и замолчать. Правда, ненадолго.

– Мы не можем ждать! – продолжил Гримкель, уже чуть потише. – Пока мы будем тут сидеть, Торбранд и Ульвхедин займут половину Квиттинга! Может быть, дойдут и сюда!

– А если мы не будем ждать, то они всех разобьют поодиночке! – негромко и твердо ответил Фрейвид. – И нас, и Стюрмира конунга, и слэттов, если они согласятся нам помочь! Ничего! У них на пути – Медный Лес, а через него не так-то легко пройти! Кроме того, поход без вождя обречен на неудачу, как плавание корабля без штевня. У нас нет конунга. Стюрмир далеко. А вести войну без конунга нельзя.

– А если Стюрмир конунг вообще не вернется? – запальчиво крикнул Гримкель ярл.

Кюна Далла испуганно взвизгнула, по гриднице пробежал ропот.

– Боги велели идти в бой под стягом конунга! – непреклонно возразил Фрейвид и перевел взгляд на Вильмунда. – И если уж нам придется выступить, то лучше провозгласить нового конунга, чем неизвестно сколько дожидаться старого!

– Ты с ума сошел! – ахнула Далла. – Ты что, хочешь провозгласить нового конунга, как будто мой муж уже погиб?

– Я не желаю Стюрмиру конунгу смерти и надеюсь, что она настигнет его нескоро, – весомо произнес Фрейвид. – Но без конунга я не пойду в битву. И ты понимаешь, кюна, что войско Западного побережья не только никуда не пойдет без меня, но даже и собираться не станет.

Несколько мгновений все молчали. Никто не знал, что теперь сказать.

– Я бы на твоём месте, Гримкель ярл, ехал собирать войско Южной Четверти, – холодно посоветовал Фрейвид. Спокойная властность в его голосе разозлила Гримкеля ярла, и он закусил нижнюю губу. Сестра вдруг вцепилась в его локоть. – А на твоём месте, Вильмунд ярл, я послал бы гонцов на Восточное побережье. Пусть Хельги хёвдинг тоже посылает ратную стрелу. Кстати, на Восточном побережье можно раньше дожидаться вестей от Стюрмира конунга. Может, там уже что-то знают... Да нет, – сам себя поправил Фрейвид, с сожалением мотнув головой. – Хельги хёвдинг – дельный человек. Если бы новости были, он прислал бы их нам, не дожидаясь вопросов.

– Ты, конечно, очень мудрый человек, Фрейвид хёвдинг! – воскликнул Гримкель. Он старался сдерживать гнев и досаду, но они прорывались в нервном дрожании бровей, в суетливых движениях плеч и пальцев. – Но ты все же еще не конунг, чтобы давать мне такие советы! И я сомневаюсь, что конунгом провозгласят именно тебя! А я сам решу, что мне нужно делать!

С этими словами Гримкель ярл почти выбежал из гридницы и велел созывать своих людей. Фрейвид проводил его холодным взглядом и обернулся к остальным собеседникам с таким удовлетворенно-спокойным лицом, как будто они избавились от досадной и шумной помехи в беседе.

– Ни один умный человек не подумает, что я сам стремлюсь к престолу, – доброжелательно сказал он Вильмунду. – Там уши на месте, где они выросли. У квиттов есть другой конунг. Я говорю о тебе, Вильмунд ярл. Может, в чем-то Гримкель и прав: промедление может дорого нам обойтись. И если нам придется выступать в поход, то перед этим мы должны будем провозгласить нового конунга. Не я один думаю, что войско без конунга обречено на поражение. Так думают все. Пошли мы сейчас ратную стрелу, половина хёльдов откажется присоединиться к нашему войску.

Вильмунд опустил глаза, не в силах взять себя в руки и усмирить волнение. Он не страдал отсутствием честолюбия, но ему не приходило в голову стать конунгом раньше смерти отца. Внезапная возможность получить Кубок Конунгов прямо сейчас, на днях, может быть уже завтра, ослепила и потрясла его: голова кружилась, сердце билось часто-часто. И тут же возникло чувство уверенности и ожидания удачи: он верил, что как только почувствует в руках Кубок Конунгов, вместе с которым передается власть, все прежние неудачи и сомнения станут лишь смешными воспоминаниями. Счастье и удача конунга будут охранять его и сделают таким же сильным, как отец.

– Ты хорошо придумал, Фрейвид хёвдинг! – прошептала Далла. Ее глаза разгорелись, на лице отражалась буря чувств, побежденных сомнений и ожидания подарков от судьбы. – Хорошо придумал! – повторила она под изумленным взглядом Фрейвида.

Даже его, как оказалось, можно удивить. Именно в жене Стюрмира он и ждал найти самого упрямого противника своим замыслам.

– Я рад, что ты со мной согласна, кюна! – со сдержанной осторожностью сказал Фрейвид, быстро прикидывая, какой тут может быть подвох. – Если ты не против, то мы с тобой сегодня же соберем людей со всех усадеб. Не сомневаюсь, что они и без зова явятся, когда узнают новости. И уже завтра мы сможем собрать тинг у мыса Коней и провозгласить Вильмунда конунгом. Собирать общий тинг сейчас некогда, но... Север можно не принимать в расчет – там распоряжаются фьялли и рауды. В согласии Западного побережья вы можете не сомневаться. Южную Четверть поможет убедить твоя родня... если ты сможешь убедить ее, а в этом я уверен. Даже твой горячий брат поймет мою правоту, когда немного остынет. Остается Квиттингский Восток. Там немало упрямых людей, и самый упрямый из них – Хельги хёвдинг. Но куда им будет деться, когда весь Квиттинг признает нового конунга?

– Ты мудрый человек, Фрейвид хёвдинг! – с волнением и тайным ликованием прошептала кюна Далла. В глазах ее отражались какие-то головокружительные замыслы, которым

она сама еще не до конца поверила. При всем его уме Фрейвид не подумал о той возможности, которая вдруг блеснула перед ней, как молния. – Я пойду... попробую уговорить Гримкеля!

Звеня золотыми украшениями, она вихрем пролетела через длинный дом и поймала брата уже во дворе, когда он готовился сесть на коня.

– Что ты собираешься делать? – задыхаясь от бега и волнения, выкрикнула она, с силой вцепившись в локоть Гримкеля.

– Уж конечно, не то, что мне велит этот западный тюлень! – огрызнулся тот и вырвал рукав из пальцев сестры. – Кто он такой, чтобы я его слушал! И ты хороша! Я всегда знал, что ты дура, вот оно и видно! Ты хочешь, чтобы на престоле квиттов сидел не твой муж, а муж дочери Фрейвида?

– Вильмунд – еще не значит муж дочери Фрейвида! – ответила Далла. Ее лицо приняло вдруг очень жесткое выражение, и она внезапно сделалась очень похожа на свою старую мать. – Еще неизвестно, кто здесь дурак! Слушай меня, бородатый тролль! Сейчас ты помчишься домой, на Острый мыс, и займешься как раз тем, что он сказал, – будешь собирать южное войско! Это еще не значит, что оно пойдет туда, куда хочет Фрейвид. Ведь поведет-то его Тюрвинд! Туда, куда нужно нам! Расскажи обо всем матери и делай только так, как она велит! Не слушай ни Халькеля, ни Тюрвинда, а только мать! Ты понял?

– Понял, понял... – проворчал обиженный Гримкель.

Привычка беспрекословно повиноваться матери была у Гримкеля в крови, так же как и у самой Даллы. А молодая кюна верила, что мать рассудит это дело точно так же.

Вечер был холодным, дул влажный западный ветер, но Ингвильда убежала вон из дома, едва дождавшись, пока за отцом закроется дверь девичьей. Даже меховую накидку она кое-как натянула уже на ходу, словно лишний миг под крышей грозил непоправимыми бедами. Ей хотелось холодного свежего воздуха так страстно, как будто она целый год просидела в подземелье. Хотелось увидеть небо и постараться обрести душевное равновесие.

Ингвильда знала решительность и властолюбие своего отца, но такого она от него не ждала. Ее смутный и тревожный дар ясновидения, к которому она сама относилась с сомнением и трепетом, хёвдинг решил заставить служить себе.

– Постарайся увидеть Стюрмира конунга! – сказал Фрейвид дочери, выгнав из покоя всех женщин и даже верную Бломму. – Постарайся увидеть его в Слэттенланде. Наверное, он не собирается возвращаться до весны. А может, он умер там, чего не бывает! Так или иначе, Вильмунд будет в ближайшие дни провозглашен конунгом. Соберем домашний тинг, а сразу после этого справим свадьбу. Далла может убраться к себе в свое Воронье Гнездо, она нам не нужна, но ее Бергвида мы оставим здесь и даже объявим будущим наследником. Тогда Лейринги не будут слишком каркать. Все в наших руках, и тебе не о чем беспокоиться. Но ты должна увидеть Стюрмира конунга! Это важно!

Торопясь, как будто за ней гнались, Ингвильда бежала по снегу вдоль берега озера, стремясь уйти подальше и от отца, и вообще от людей. Снегу выпало немало, но по берегу змеилась утоптанная тропа, соединявшая прибрежные жилища. Дул ветер, небо хмурилось, и на всем обозримом пространстве не было ни одного человека, только вдалеке несколько дымовых столбов указывали на присутствие жилья: там стояла усадьба под названием Малый Пригород, да впереди чернели у самого берега валуны, ограждавшие святилище Хэстарнэс.

А вокруг был только снег, только черные штрихи заснеженных кустов, лишь в отдалении темнел лес на длинном пологом пригорке. Жесткий снег хрустел под ногами, от полузамерзшего озера летел стылый влажный ветер, охлаждая щеки и лоб Ингвильды. «Ты

должна!» Похоже, Фрейвид хёвдинг настолько уверовал в свое могущество, что готов давать указания самому Отцу Колдовства ⁷!

– Постой, йомфру, куда ты так бежишь? Обежать вокруг всего озера ты не успеешь даже к утру. Говорят, оно очень велико.

Спокойный голос Оддбранда, раздавшийся позади, заставил Ингвильду опомниться, и она замедлила шаг. Здесь, в Усадьбе Конунгов, невозмутимый Оддбранд сын Хлёдвера снова оправдал свое прозвище – Наследство. Только раньше он был наследством Фрейвида от воспитателя и приносил не терпящему возражений хёвдингу одни неприятности, а теперь стал наследством Ингвильды и приносил ей несказанно большую пользу. Он повсюду сопровождал ее, не давая Вильмунду и на мгновение остаться с ней наедине, а при случае мог и без лишней почтительности напомнить молодому ярлу, что тот еще отнюдь не муж йомфру Ингвильды. Молчаливая поддержка Оддбранда служила ей опорой, и в последние месяцы Ингвильда привыкла считать его самым близким человеком, ближе отца, который хотел положить ее судьбу, и ближе брата, который, даже не отошли его Фрейвид в Кремнистый Склон, все равно не решился бы поддержать ее делом. А на Оддбранда она могла положиться во всем: прикажи она ему готовить лошадей для бегства во Фьялленланд, и все будет исполнено быстро, надежно и без лишних разговоров. Так далеко решимость Ингвильды пока не заходила, но молчаливый и независимый духом хирдман вызывал у нее такое глубокое доверие, что она говорила с ним почти так же свободно, как с самой собой. В своей прошлой, спокойной жизни она никому так не доверяла.

– Как же я могу увидеть конунга, если до новолуния еще целых две ночи? – воскликнула Ингвильда.

– Ты же смогла тогда на тинге увидеть какие-то несчастья. А тогда тоже было не новолуние, – невозмутимо ответил Оддбранд то самое, что сказал бы и Фрейвид, если бы услышал это возражение.

– Но тогда... тогда я слишком испугалась. Нет, была... – Ингвильда запнулась, подыскивая подходящее слово и пытаясь вспомнить свои тогдашние чувства. – Не знаю, как у меня получилось. Я себя не помнила.

– Я думаю, нынешний день ничуть не хуже того, – обыкновенным голосом сказал Оддбранд, как будто речь шла о прогулке на пастбище.

– Не лучше, ты хотел сказать! – поправила Ингвильда. – Тот день был ужасным.

– Может, и это неплохо. Мне помнится, твой дар проснулся в тебе, когда ты потеряла огниво? Значит, этот дар просыпается от страха, от горя, от тоски. Еще моя бабка говорила... Не удивляйся, у меня тоже была бабка. Она говорила, что сила святилища на Раудберге дремлет в благополучные годы и просыпается, когда приходит беда. Мы еще сами не знаем, какие силы таятся в Медном Лесу и во всех его порождениях. Не исключая и нас самих. Ведь все мы, домочадцы Фрейвида Огниво, родились в Кремнистом Склоне. А ты сейчас в беде, по крайней мере, сама ты так думаешь. Вот и в тебе проснулась сила Стоячих Камней. И чем хуже твоя беда, тем крепче сила. Скоро тебе не нужно будет ждать новолуния.

Ингвильда замедлила шаг и с упреком глянула на своего спутника. Длинное бесцветное лицо Оддбранда с крупными чертами хранило обычное сонно-ленивое выражение. Только умный взгляд прозрачных глаз под полуопущенными веками сразу наводил проницательного собеседника на мысль, что этот человек может быть опасен.

– Не думай, что я такой бессердечный, – отозвался Оддбранд, даже не заглянув ей в лицо, но каким-то непостижимым образом перехватив ее взгляд. – Просто я никогда не считал, что перемены к худшему несут одно зло. Они помогают найти что-то новое в себе

⁷ Отец Колдовства – одно из имен Одина.

самом, какое-то новое оружие, если хочешь, а это далеко не всегда плохо. Вспомни твою сестру.

– Хёрдис?

– Еще бы! Слава светлым асам, у Фрейвида только две дочери. Что стало бы с Медным Лесом, если бы вас было больше! Хёрдис будит силу Стоячих Камней и тянет ее к себе. Ей с детства жилось плоховато – она всегда имела меньше, чем хотела, и от этого считала себя несчастной. Она всю жизнь копила силу Стоячих Камней, и под конец эта сила стала в ней выплескиваться через край. Она искала своей силе применение и нашла. Но я не думаю, что это было правильно.

– Но почему, почему эта сила просыпается только в беде! – с отчаянием воскликнула Ингвильда. В ее сознании колдовская сила была неотделима от зла и раздоров. – Может быть, если бы не было никакой силы, не было бы и беды!

– Нет, боги не создавали в мире ничего лишнего и тем более не занимали лишним такой тесный дом, как человеческая душа. Просто у всего должно быть разумное применение.

Ингвильда вспомнила Хродмара: почти то же самое он ей говорил в утро их последнего свидания, показывая свой нож. Ах, если бы правда суметь разбудить свой дар до новолуния! – внезапно в горячем порыве тоски подумалось Ингвильде. Только увидеть не Стюрмира, тролли с ним, а Хродмара...

– Разбудить голодного дракона и выманить его из пещеры гораздо легче, чем потом загнать обратно и усыпить, – продолжал Оддбранд. – С первым справится и глупый ребенок, а вот для второго нужен великий колдун или могучий воин. Не хуже самого Сигурда* Убийцы Фафнира. А война – это такой дракон, который всегда голоден. Она питается всем самым злым и жестоким, что только есть в человеческих душах. А этого там всегда полно. Этот дракон в конце концов сожрет и сам себя, но только когда никого больше уже не останется.

Ингвильда поежилась и плотнее прижала к груди накидку. Резкий порыв ветра пронизал ее с ног до головы, точно вздохнул вдали голодный дракон – огромный, цвета грязного снега, с колючей инеистой чешуей. А на спине у него сидит Хёрдис в своей волчьей накидке и поет ликующую песню зимней пустоты. Пустоты, сожравшей все живое и теплое в мире, но все такой же голодной.

Неспешно бредя по берегу, Ингвильда и Оддбранд наконец уперлись в ограду святилища. Оно было расположено на мысу, выдававшемся с берега далеко в воду, и называлось Мыс Коней. Даже сейчас под ним темнела широкая полоса открытой воды – здесь озеро не замерзало никогда, и в него с мыса сбрасывали жертвы Фрейру. Готовясь к близкому празднику Середины Зимы, тропу к святилищу уже расчистили от снега, но возле крайнего валуна ограды она кончалась. Валун назывался Свадебным, потому что примерно на высоте груди в нем имелось круглое отверстие, в которое можно было просунуть руку. Когда в округе справляли свадьбу, то новобрачные приходили сюда и становились по разные стороны от камня; невеста просовывала в дыру руку с цветком – или веткой, если свадьба справлялась зимой, – а жених брал цветок у нее из руки и надевал взамен обручальное кольцо. Сейчас черные бока камня были покрыты густым белым налетом инея, как будто оделись в чешую.

Оддбранд положил ладонь на камень, и Ингвильда вздрогнула, представив колючий холод его заиндевевших боков.

– Хёрдис всю жизнь была голодным драконом, – пробормотала Ингвильда. – Как бы и ей не сожрать саму себя.

И сейчас Оддбранд впервые вздохнул.

– Еще никто не знает, на что способна Хёрдис! – пояснил он в ответ на удивленный взгляд Ингвильды. – Даже она сама. Это и есть самое страшное. Ее сила – совсем не то, что сила Стоячих Камней.

– А что же?

– Хотел бы я это знать. Этого не знает даже она, и Фрейвид не знает. Знает только ее мать.

– Кто? – Ингвильда вообще забыла за эти годы, что у Хёрдис тоже была какая-то мать.

– Мать Хёрдис. Она ведь тоже не из камня родилась. Та рабыня была не простой женщиной. Но она ничего о себе не рассказывала. Не могла, а может, не хотела. И никто в доме не знал, какие силы и откуда она принесла и передала по наследству Хёрдис.

Ингвильда вынула руку из меховой рукавицы и осторожно прикоснулась кончиком пальца к белым иголкам. Палец обожгло, и она отняла руку, почему-то чувствуя, что этим самым провалила какое-то важное испытание. Стоячие Камни ничего не делают просто так. Ей снова вспомнилось требование отца увидеть Стюрмира конунга и свое собственное желание увидеть Хродмара.

– А это совсем не трудно, – подал голос Оддбранд, и Ингвильда вздрогнула.

Она чувствовала, как мерзнут ее плотно сжатые губы, и была уверена, что не произносила вслух ни звука. Значит, Оддбранд услышал ее мысли. Вскинув глаза, она посмотрела на него по-новому и даже испугалась. Высокий сильный хирдман с невыразительным лицом и умными глазами, в накидке из косматого волчьего меха, стоящий возле священного камня с крепко прижатой к нему ладонью, вдруг показался ей и не человеком вовсе, а каким-то духом, не слишком ласковым, но не враждебным и, главное, очень сильным. Мелькнула мысль, что таким должен быть бог, и Ингвильде стало жутко. Оддбранд неслышно разговаривал со священным камнем, не требуя жертв и не заывая заклинаний, как тот, живущий в Тюрсхейме. Он был похож на одного из духов Медного Леса, что просыпаются в годы бедствий.

– О чем ты говоришь? – осторожно, с тревогой спросила она.

– О том, что тебе велел Фрейвид хёвдинг и чего тебе самой хочется. Не нужно ждать новолуния. Ведь новый месяц уже где-то есть в мире, только его еще не видно. А ты позови его. Постарайся увидеть его раньше, чем все остальные.

Ингвильда не сводила глаз с Оддбранда, стараясь понять, что же он сказал. Это было как сноп искр в темном доме – так просто и так ослепительно! А Оддбранд снял ладонь с заиндевелого камня и отошел чуть в сторону. Ингвильда, как зачарованная, потянулась за ним и встала на то место, где он только что стоял. Прямо перед ней, на уровне лица, оказался след, оставленный его ладонью, черное пятно среди растаявшего инея, протопленное теплом живой человеческой руки, словно окошко... куда? Ингвильда смотрела в это пятно, все еще думая о словах Оддбранда, но мысли ее против воли сворачивали на другое. Ведь Хродмар тоже есть где-то в мире! Просто он так далеко, что его еще не видно. Но он есть, он идет сюда, и он будет с ней. Надо только постараться увидеть его раньше, чем другие. И не так уж это трудно. Невозможно увидеть только то, чего нет, нет нигде, ни в одном из миров. А то, что есть в твоём собственном мире, увидеть можно...

И черное окно в камне под взглядом Ингвильды посветлело, но не до белого, а до смутно-серого цвета – таким бывает море зимой. Возникло движение, рябь побежала по поверхности камня, как по воде... Да это и есть вода. Широкое пространство фьорда, заполненного кораблями, разворачивалось перед взором Ингвильды, и у всех кораблей были на штевнях резные головы коней и рогатых драконов. А дальше, впереди, виднелась полоса земли с темнеющими крышами усадьбы, а за ними можно было различить снова серый блеск воды и корабельные штевни – много, сколько хватает глаз.

Там, перед усадьбой, стояли и ходили люди; среди множества воинов Ингвильда видела несколько человек в богатых плащах и среди них – Хродмара. Она сразу выбрала его взглядом в толпе, как будто он был окружен особым светом, и узнала, как узнают свое собственное отражение. Он что-то говорил, его горячо перебивал рослый мужчина с рысёй

шкурой на плечах, сохранившей лапы, хвост и даже голову, с большой золотой застежкой на правом плече. Хродмар молча давал победителю рыси выговориться и продолжал. Ингвильда не слышала слов, но видела спокойную уверенность на его лице. Да, это место вовсе не было похоже на Западное побережье Квиттинга, где ему следовало сейчас находиться. Серое небо нависло над цепью горных хребтов, и нельзя было с одного взгляда отличить заснеженные вершины от облаков. Это фьялленландские горы, по которым можно подняться прямо к облакам. Не потому, что горы высоки, а потому, что облака над Фьялленландом всегда низкие.

Черное пятно на боку камня стало вновь покрываться изморозью, и через тонкую белесую пленку Ингвильда больше ничего не видела. Внезапно у нее закружилась голова, словно земля качнулась под ногами. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула холодный воздух. Это головокружение показалось ей приятным, как усталость после хорошо выполненной трудной работы. Ингвильда отчетливо помнила свое видение, и ее дар больше не пугал, как будто она наконец-то научилась справляться с ним. Раньше он казался ей чем-то вроде болезни, а теперь стал оружием.

– Ты хорошо поняла то, что увидела? – спросил Оддбранд. И Ингвильда вдруг подумала, что он и показал ей это.

– А ты не видел? – спросила она, еще не решаясь открыть глаза.

– Как же я могу – я же не ясновидящий! – По голосу Оддбранда было слышно, что он улыбается. На такое редкое зрелище все домочадцы Фрейвида сбежались бы со всей усадьбы, бросив дела и отдых, и Ингвильда открыла глаза. – Но если ты не все поняла, расскажи мне, я помогу. Что-то же нужно будет отвечать Фрейвиду.

Ингвильда стала подробно рассказывать обо всем увиденном, стараясь описать даже изгибы берега. Оддбранд удовлетворенно кивал время от времени, вставляя пояснения.

– Я знаю это место, я там бывал. Это называется Трехрогий фьорд. У него три рога, и в каждом отлично может встать сотня кораблей. На Среднем роге стоит усадьба ярла, а два других изрыты землянками для войска, как поле кротовыми норами. Ты не видела? Все равно они там есть, и наверняка все до одной заняты. С самых Великаньих Веков конунги фьяллей собирают там войско, когда идут в большой поход. Сесть ярлом в тамошнюю усадьбу у них считается чуть ли не самым почетным... Да, конские головы на штевнях – это корабли раудов... А длиннорукий в рысей шкуре – это сам Ингимунд ярл, муж конунговой дочери Ульврун. Он когда-то убил эту рысь голыми руками и с тех пор верит, что ее сила перешла в него и приносит ему удачу. Все верно. Если Торбранд конунг начал собирать войско после проделок Большого Тюленя, то сроком общего сбора он должен был назначить Середину Зимы. Сейчас они принесут жертвы и поплывут. Вот и ответ твоему отцу! Он очень обрадуется, узнав, что конунг фьяллей находится гораздо ближе, чем Стюрмир конунг. Но ведь и ты сама не зря глядела в камень, верно?

Ингвильда посмотрела в лицо Оддбранду, пытаясь понять, не смеется ли он, но не сумела уловить даже тени улыбки.

– Все же это так странно! – сказала она, поведя плечами. – Я никогда не слышала, чтобы гадали по камням. Мудрые люди гадают по облакам, по бараньим лопаткам, по рунам...

– Чему ты удивляешься – это же Свадебный Камень! – Оддбранд выпустил в уголки губ тень улыбки и тут же снова спрятал ее. – И я очень сильно удивлюсь, если среди тех доблестных воинов ты не увидела своего жениха. На самом деле, йомфру, главное – это уметь видеть. Кто умеет – тот увидит хоть в... Ты знаешь, что есть умельцы предсказывать судьбу по сношенным башмакам?

– А ты... – Ингвильда подошла ближе и заглянула ему в лицо. – Ты откуда... все это знаешь?

– Я... – Оддбранд со скучающим видом поднял глаза к быстро темнеющему небу, как будто его просили рассказать о невыразимо нудных делах. – Это долго рассказывать. А если проще – я один раз умирал и чуть было совсем не умер. Но Один выпихнул меня обратно и неплотно закрыл дверь. Теперь я знаю, где она, эта дверь.

Это было не самое ясное и полное объяснение, но Ингвильда больше ни о чем не спрашивала. Ей было слишком трудно разобраться со своими собственными тайнами, чтобы искать чужие.

О своем видении Ингвильда рассказала отцу и другим не больше половины, но и этого было достаточно. Фрейвид хёвдинг не очень-то поверил, что сразу после их беседы боги послали дочери ту самую весть, которая была ему нужна: войско фьяллей в Трехрогом фьорде, то есть в полной готовности, а Стюрмира конунга и близко нет. Фрейвид даже подумал, что его дочь разумнее, чем ему казалось. Кюна Далла тоже не слишком поверила в такое своевременное видение, но сомнения были ей невыгодны, и она без колебаний прогнала их. Перед ней открылась замечательная возможность заменить мужа, который относился к ней со снисходительным презрением, на пасынка, который слушает ее и, между прочим, тоже вполне годится в мужья.

Наутро Фрейвид хёвдинг и кюна Далла созвали на малый, так называемый домашний, тинг народ со всего озера Фрейра и окрестностей. По обычаю, местный тинг собирался на берегу, на площадке перед каменными воротами святилища Хэстарнэс. Рассказав о вестях с северной границы и видениях Ингвильды, они предложили людям провозгласить Вильмунда конунгом квиттов, чтобы войско шло в бой с предводителем, без чего на удачу нечего и рассчитывать. Вильмунд ярл слушал громогласные хвалы себе, и на скулах его горел яркий румянец. В этот миг он чувствовал себя всемогущим.

Кубок Конунгов хранился в Тюрсхейме, и взамен Вильмунду подали другой, но тоже золотой. Стоя в толпе, Ингвильда с затаенным дыханием следила за тем, как Фрейвид подает Вильмунду кубок с медом, чтобы тот вылил его к подножию священного камня, как Вильмунд протягивает к нему руки... На его правом запястье блестит золотой дракон – волшебное обручье, которое по руке каждому новому владельцу. Какая-то ледяная иголочка кольнула в сердце Ингвильде, и она едва не крикнула: «Не бери!»

Оддбранд, стоявший у нее за спиной, вдруг незаметно положил руку ей на плечо и слегка сжал, как будто хотел удержать от необдуманных поступков. Без слов она поняла, что он хотел сказать. Боги дали каждому человеку свою судьбу и свою голову, а с ними право идти своей дорогой и обязанность отвечать за свои поступки. И если кто-то схватился за меч не по руке, то ему же достанутся и все последствия.

Глава 3

За ночь поверх наста выпал снежок, так что теперь бежать на лыжах было одно удовольствие: Хёрдис бодро скользила вперед, а Серый трусил за ней, не увязая в снегу. «Может, я научилась еще и заклинать погоду? – с веселым удивлением думала Хёрдис на бегу. – Узнать бы еще, как у меня это получилось!»

Но незнание этого важного обстоятельства не могло испортить ей настроения. Одна долина сменялась другой, со свистом, как казалось Хёрдис, улетали назад еловые перелески, и хотя края Медного Леса еще не было видно, Хёрдис была уверена, что доберется точно в срок. То есть гораздо быстрее, чем люди считают возможным!

– Они думают, дурачье, что можно отнять у Хёрдис Колдуныи ее законное имущество и спокойно им владеть! Они сильно ошибаются! – на каждом привале твердила она Серому. Серый уже давно все понял, но других собеседников Победительнице Фьяллей судьба пока не посылала. – Сильно ошибаются! Раз мой Дракон Судьбы не может сам ко мне вернуться, так я пойду за ним! Он мой и должен быть у меня! Я прокляла его новых владельцев таким страшным проклятьем, что ради их же блага мой Дракон должен вернуться ко мне! И он вернется! Не будь я Хёрдис Колдуныя!

Вот уже пять дней, как Хёрдис сбежала из Кремнистого Склона, не особенно заботясь, когда и как она туда вернется. В дорогу она запаслась лыжами и маленьким, но вполне надежным охотничьим луком. Стрелять ее никогда не учили, но сбить рябчика, которого потом поймает Серый, ей было вполне по силам.

Разумеется, свое чудесное огниво она тоже не забыла. Оно висело у нее на цепочке под застежкой платья, на всякий случай еще привязанное ремешком, и на ходу Хёрдис ощущала, как оно бьется под меховой накидкой. Не каждый выдержал бы этот сумасшедший бег через безлюдные просторы Медного Леса шестой день подряд, с ночевками прямо на снегу, на еловых лапах, возле костра. Даже Серый похудел и падал без сил, как только хозяйка позволяла ему передохнуть.

– Я, между прочим, тебя вовсе не звала с собой! – напоминала она, если пес начинал подвывать и смотреть на нее жалобными глазами, умоляя о передышке. – Сидел бы дома!

Сама Хёрдис не знала усталости, словно была выкована из знаменитого квинтингского железа. Жажда отомстить обидчику и вернуть свое сокровище гнала и гнала ее вперед. Иногда Хёрдис сама удивлялась своей неутомимости. Сидя ночами у костра, дожидаясь, пока прожарится подстреленная по пути куропатка, она совершенно забывала и о Драконе Судьбы, и о Фрейвиде, а просто радовалась оставшемуся позади пространству, как будто это непрерывное движение через заснеженные долины и было настоящим смыслом ее жизни. «Кажется, я никогда не ела сырого оленьего сердца, а бегаю лучше любого оленя!» – удивлялась она сама себе. Хёрдис смутно ощущала, как в сумрачных глубинах ее неутомонной души бродят какие-то огромные, до конца еще не проявившиеся силы. Эти силы не давали ей сидеть дома, это они погнали ее куда-то вдаль. Ей не место там, где она родилась, ей пришло время вылупиться из прежней жизни, как птенец вылупляется из скорлупы, чтобы учиться летать. Главное – это бежать, а зачем – будет ясно на месте. Хёрдис верила себе, даже когда себя не понимала, а жалеть ей было не о чем. Кремнистый Склон никогда не казался ей настоящим домом. А где ее дом, есть ли он вообще – вот это ей и хотелось бы знать.

Кончался шестой день ее путешествия, когда Серый вдруг начал подвывать.

– Да ну тебя! – коротко огрызнулась Хёрдис на бегу. – Еще светло. Отдыхать рано.

Но пес не унимался. Хёрдис замедлила шаг и обернулась.

– Ну, чего тебе? – недовольно спросила она, но тут же перевела взгляд с собаки на снег позади, не упуская случая еще раз полюбоваться делом своих рук.

Если бы кто-то попытался проследить ее путь, у него ничего бы не вышло. Следы лыж Хёрдис и лап Серого сами собой затягивались снегом и исчезали, едва она успевала отойти на два-три шага. Это тоже было заслугой волшебного огнива. Перед тем как выйти из дома, Хёрдис нацарапала острым краем огнива на нижней стороне каждой лыжи руну «зар» – руну Праха. Этой руне ее научил один иноземный пленник, который целую зиму жил в усадьбе Фрейвида, дожидаясь, пока за него пришлют выкуп. Как он говорил, эта руна означает завершение и возвращение к тому, как было. Хёрдис требовалось, чтобы позади нее снег остался *как был*, и она использовала чужеземную руну для заметания следов. Конечно, умная бабушка Сигнехильда сказала бы, что очень опасно использовать иноземное колдовство, в котором совсем не разбираешься, но осторожность Хёрдис даром отдавала кому угодно. Следы заматались, у нее опять *получалось* задуманное, а до остального ей не было дела.

Видя, что хозяйка обернулась, Серый тут же сел на снег, тихо поскуливая и жалобно глядя на нее своими желтыми глазами.

– И не стыдно тебе? – укоризненно спросила Хёрдис. – Тоже мне, хёвдинг Болотных Кочек! Законоговоритель* жабьего тинга! А еще гривну носишь! Даже тот козлиноголовый берсерк, с которого мы ее сняли, наверняка прошел бы эту дорогу без нытья! А уж тебе сам Видар* велел! Пошли же, ну! Великие волки Гери и Фреки* смотрят на тебя и гордятся тобой!

Но Серый не тронулся с места, а продолжал скулить, то оглядываясь назад, то поворачивая морду к Хёрдис. Что-то было не так. Насторожившись, она потянула носом воздух, оглядела сумрачный небосклон, потемневший перед близкой ночью, скользнула взглядом по верхушкам елей на взгорке позади. Что-то было не так...

– Пахнет чем-то паршивым, – задумчиво сказала Хёрдис и посмотрела в глаза Серому. – Ну-ка, храбрый хёвдинг, кончай ныть и подумай – что это такое?

Серый еще раз боязливо оглянулся, но постарался взять себя в руки, то есть в лапы, и честно подумал. С тех пор как Хёрдис пожаловала ему гривну фьялльского берсерка, он стал умен не по-собачьи и даже, как надеялась Хёрдис, мог со временем сравняться умом с прежним хозяином гривны. «Впрочем, это сомнительная похвала! – с издевкой добавляла Победительница Фьяллей. – Говорят, в одном племени когда-то сидел конунгом пес. Наверняка это было во Фьялленланде!» Так или иначе, но с некоторых пор Серый стал еще лучше понимать человеческую речь и даже кое-как передавать свои мысли Хёрдис. Вернее, не мысли, а чувства и побуждения.

Вот и сейчас Хёрдис прислушалась, стараясь уловить, что происходит в лобастой башке ее верного ярла. Ей вдруг стало тоскливо и страшно. Так страшно, что она вцепилась в рукоять ножа на поясе и стремительно огляделась. Где-то рядом была опасность, что-то большое и жуткое шло к ним через пустынные долины и хребты Медного Леса.

У Хёрдис закружилась голова: ей вдруг ясно представилось, как огромен Медный Лес и как малы, жалки и беспомощны в этих просторах они с Серым. Сам Медный Лес, все тайны которого неизвестны даже самым мудрым колдунам, вдруг представился ей живым чудовищем, способным сожрать их. Вот так, просто сейчас распадется в земле огромная черная пасть и проглотит две искорки живого тепла... Нечто подобное Хёрдис уже испытала один раз, еще летом, когда только вернулась к Кремнистому Склону с побережья, пошла искать пропавших коров и оказалась перед пещерой, из которой потом вышел Берг...

Вспомнив Берга, Хёрдис поморщилась. Он всю осень надоедал ей, являясь на пастбище чуть не каждый день, а потом подстерегая всякий раз, как только она выйдет из дома. В усадьбу он не совался, но не могла же Хёрдис все время сидеть взаперти! Берг упрямо топал за ней, то забегая вперед, то заходя сбоку, все заглядывая ей в глаза, даже пытался взять за руку, но при этом ничего не говорил, а только пыхтел. Должно быть, это следовало

понимать как вздохи любовной тоски. Надоел хуже селедки. Уходя из дома, Хёрдис, конечно же, ничего не стала ему говорить. А то еще потащился бы провожать, с него станется!

При мыслях о Берге страх отступил, сменился презрительной досадой, дышать снова стало легко.

– Идем, Серый! – решительно сказала Хёрдис. – Нечего сидеть. А если страшно, то вспомни – нам осталось не больше одного перехода до конца Медного Леса! Может быть, уже завтра мы будем спать в человеческом доме!

Вздохнув, Серый поднялся и побежал следом, изредка оглядываясь назад.

Долина кончалась, впереди виднелся невысокий хребет. Острые кремневые выступы не замело снегом, и они выделялись на белом как темные пятна. Хёрдис торопилась добраться туда, чтобы с высокого места окинуть торжествующим взглядом пройденную местность и вызывающим – ту, что лежала впереди и еще ждала завоевания. Недолго же ей ждать! Хёрдис упрямо передвигала ноги, но мерзкое ощущение опасности не проходило и убежать от него не удавалось. Темное вязкое облако наползало с севера, из сердца Медного Леса, откуда лежал ее путь, упрямо догоняло, делалось все ближе и ближе. Страх протягивал когтистые лапы, цеплял за края одежды и за волосы, давил и не давал дышать. Но не так-то легко было помешать ей! Хёрдис упрямо сжимала губы и все шла и шла вперед, хоть это и стало вдвое труднее. Раньше ей не случалось так уставать на подъемах, хотя встречались склоны и покруче. Уж не живет ли тут какой-нибудь упрямый тролль, который не хочет подпускать ее к своей пещерке? «Я тебе покажу! – сердито грозила Хёрдис, уверенная, что невидимый враг услышит ее мысли. – Вот только доберусь до тебя! Ты узнаешь, как кусается мое огниво, мерзкий тролль!»

На вершине хребта снега почти не было, лыжи стали царапать по камню. Окинув взглядом широкую каменистую полосу впереди, Хёрдис со вздохом наклонилась и отвязала их.

– Иди, Серый, здесь легче... – начала она, в наклоне повернув голову назад, к Серому, и вдруг вскрикнула.

Позади, у начала оставленной за спиной долины, над вершинами ельника возвышалось что-то огромное, темное, достающее до самого неба. Какая-то неведомая гора, грозовая туча выросла между лесом и небом, покачнулась, потом рывком продвинулась вперед...

Любой обыкновенный человек застыл бы на месте от ужаса, подавившись воздухом, но Хёрдис не тратила времени на испуг. Мгновенно, словно ее подстегнули, она сгребла в охапку лыжи с палками и кинулась в близкие заросли на гребне скалы. Высокие кусты можжевельника торчали среди каменной россыпи густыми рыже-бурыми метелками, и Хёрдис, как косматый волчонок, устремилась туда. Между кустами ей почудилось темное отверстие – сейчас беглянке подошла бы и кротовая нора.

На коленях, волоча за собой лыжи, она вползла под кусты и сунулась к узкому лазу. Серый, вполголоса повизгивая от ужаса, полз за ней, все норовя пролезть вперед или хотя бы быть рядом, но ширины лаза между камнями с трудом хватало на одного, и Хёрдис сердито шипела, бранила бестолковую собаку, которая своей суетой сейчас погубит их обоих.

Серый пролез-таки вперед и первым нырнул в нору. Бросив лыжи, Хёрдис вползла следом. Обмяв снег, она обнаружила, что пещерка не так мала, как казалось, – они с Серым поместились там целиком. Серую шкуру пса и волчью накидку Хёрдис будет не так легко заметить снаружи за камнями и ветками можжевельника, если только... Если только *это* ищет глазами, а не как-то иначе. Несколькими быстрыми движениями Хёрдис начертила на снегу возле норки руны Волчий Крюк, способную сковать противника – из наследства того же Эадальреда-пленника. Он предупреждал, что руна опасна, но сейчас Хёрдис было не до того – там, наверху, маячило что-то гораздо более страшное. О Видольв, родоначальник всех ведьм, сделай так, чтобы помогло!

Сжавшись в ежовый комочек, затаив дыхание, Хёрдис напряженно вслушивалась. Тяжеленные шаги быстро пересекали долину, делались все ближе и ближе. Бум... бум... бум... бум... Как будто поблизости колотили о землю целой скалой. Со стен и потолка пещерки ползли и сыпались комья мерзлого песка. Еще насыплется за шиворот, вытряхивай потом!

Над скалами висел гул, Хёрдис всем телом ощущала глубинное подрагивание земли. Высунуться и посмотреть она боялась. Такому огромному страшилищу девушка и собака покажутся не больше мышей, может, он и не разглядит их свысока, ну а вдруг учует живой взгляд? Кто он такой? «Для тролля великоват, – прикидывала Хёрдис, обеими руками сжимая пасть Серого, чтобы не скулил. Конечно, это чудо так топочет, что и камнепада не услышит, но все же не помешает сидеть потише. – Может, великан? Свальнир... Асольв его видел, значит, он еще жив. Нет, Свальнир живет не здесь, а в Великаньей долине. Семь дней пути отсюда! Впрочем, это для человека семь, а великан и за полдня пройдет. Чего он так разгулялся? А вдруг он голодный? Конечно, мы ему на один зуб, но от этого не легче». Нет, Хёрдис не хотела кончить свои подвиги в пасти великана. Конечно, это славная смерть, но чересчур преждевременная.

Громоподобные шаги приближались, но делались все медленнее. Перед хребтом они совсем остановились. Вот тут у Хёрдис стало нехорошо на душе. Она натянула на лицо косматый капюшон, сжалась и склонила голову и всем существом ощутила, как громада каменного жителя нависла над самой их пещеркой. Сам воздух вокруг уплотнился и стал еще холоднее, так что дышать было не легче, чем грызть лед. Хёрдис почти не дышала, чувствуя только, как Серый у нее в руках дрожит крупной дрожью. «Что же ты завис тут, горе богини Йорд*! – с негодованием восклицала она в мыслях. – Топай дальше, позор Имировых* костей! Нечего тебе здесь делать!»

Вот горный хребет содрогнулся сильнее – великан поставил ногу совсем рядом с их укрытием. На миг потемнело – словно каменная туча медленно прошла над самым обрывом, куда открывался зев пещерки. Хёрдис бросила вперед быстрый взгляд. Исполинская фигура стояла по ту сторону хребта на склоне, но еще очень близко, так что Хёрдис видела только ноги. Она не поняла даже, обуты ли они в сапоги или просто сделаны из камня и не нуждаются в обуви.

Великан стоял, обратившись лицом к следующей долине, и, похоже, высматривал что-то впереди. Что ему там нужно? В Медном Лесу так мало людей, что в иных долинах годами никто не бывает и черные камни, отмечающие дорогу к побережью, уныло тоскуют от собственной бесполезности.

«Уж не нас ли он ищет? – снова подумала Хёрдис. – Не нравится мне это! Я, конечно, люблю внимание больших и сильных мужчин, но этот для меня уж слишком велик!»

Осторожно она сняла одну руку с загривка Серого, показала псу кулак и послала свирепый мысленный приказ сидеть тише мыши и даже не дышать для верности. Потом Хёрдис сунула руку под накидку и нашарила огниво. Вытащив амулет, она осторожно, стараясь не звякнуть, опустила его и коснулась железом кремневого пола пещерки. Встреча железа и кремня рождает силу, которой надо лишь уметь воспользоваться. А Хёрдис уже верила, что умеет.

– Отведи глаза этому каменному дурню! – беззвучно шепнула она, глядя на огниво как на живое существо многократно умнее ее самой. – Если он ищет меня, то пусть увидит не там, где есть!

Она неслышно нажала огнивом на камень, и из-под железа выскочила маленькая красная искра, за ней еще и еще. Словно крошечные живые существа, искры запрыгали прочь. Позабыв страх, Хёрдис с любопытством наблюдала за ними. Блестящей красно-золотистой струйкой искры вытекли из пещерки и устремились вслед за великаном. Вот они обошли его

каменные ноги... Хёрдис затаила дыхание, высунула лицо из пещерки, стараясь не потерять из виду искры среди можжевельных кустов.

Искры вдруг собрались все вместе и вспорхнули в воздух, словно полупрозрачная огненная птица.

Птица взмыла вверх и пропала.

Но не успела Хёрдис разочарованно вздохнуть, как впереди, на следующем перевале, мелькнуло что-то живое. Здесь, в этих пустых просторах, любой огонек живого тепла заметен издалека. На миг у Хёрдис возникла мысль, что великан искал вовсе не ее и там появилась наконец его истинная цель. Она взгляделась еще раз... и вцепилась зубами в собственную руку, чтобы не вскрикнуть от изумления.

Там, по дальнему склону, шла она. Девушка в волчьей накидке торопливо карабкалась по заснеженному склону, а за ней бежала серая собака. Не хватало только лыж и мешка за плечами. Хёрдис оторопело наблюдала за суетливыми, испуганными движениями девушки, не зная даже, что подумать. Это была она сама с Серым, несомненно она! Но как она туда попала, не вылезая из пещерки? И кто же, возьми его тролли, сидит сейчас здесь?

Земля быстро дрогнула несколько раз подряд – великан тоже увидел девушку с собакой и стал спускаться в долину. Скалы под его ногами дрожали так, словно грозили вот-вот расколоться. Почти бегом, с удивительным для такой громадины проворством, великан устремился в погоню.

Прижав руку ко рту, Хёрдис наблюдала, от всего сердца сочувствуя своему отражению и переживая за его плачевную судьбу. Ведь сейчас догонит, Имирова кость! Догонит и сожрет!

Ха, не так-то просто догнать Хёрдис Колдунью, даже если это всего лишь ее отражение! Не успел великан пересечь долину, как девушка с собакой как по волшебству скрылись из глаз и почти сразу показались уже на следующей горе, у самой вершины, в стороне от настоящего пути Хёрдис. Великан, грузно топая, повернулся и устремился за ними. Беглецы уже были так далеко, что Хёрдис, наполовину высунувшись из своей пещерки, едва различала среди редкого мелкого ельника две серые движущиеся точки возле самой вершины. Вот-вот они опять скроются из глаз...

«Надо бежать! – вдруг осенило Хёрдис. – Бежать, пока он за нами... за ними гоняется!»

Она решительно выползла на четвереньках из пещерки, подхватила свои лыжи и побежала вниз по каменистому склону. Только бы нырнуть в долину... а там сосновый лес, какое счастье! В лесу их не очень-то разглядишь!

– Скорее, Серый! – на ходу шипела Хёрдис, оборачиваясь к псу. Серому совсем не хотелось покидать их убежище, вполне надежное, как оказалось, для спасения от великанов. Но Хёрдис не собиралась ждать. – Ты что, хочешь просидеть в этой норе до весны? Ну и сиди, а я пошла!

Она уже спустилась с кремневой осыпи и привязывала лыжи, когда пес серым комком вылетел из зарослей можжевельника и побежал впереди, изо всех сил торопясь забраться поглубже в лес. Крепко стиснув в ладонях палки, Хёрдис торопилась за ним. Не все же ей прокладывать путь! Пусть мороки поведут великана, пока он своей каменной головой не сообразит, в чем дело. А до конца Медного Леса, где он будет бессилен, осталось не так уж далеко.

Первые полмесяца после Середины Зимы выдались для молодого Вильмунда конунга не слишком веселыми. Почти сразу после знаменательного тинга он остался один: Гримкель ярл уехал к Острому мысу, а вскоре и Фрейвид хёвдинг тоже покинул Конунгагорд, отправившись собирать войско Западного побережья. На озере Фрейра остались только кое-кто из ярлов, до сих пор не решивших, присоединиться ли им к молодому конунгу или ждать

прежнего, от которого все еще не было никаких вестей. И конечно, кюна Далла. Если бы не она, Вильмунд мог бы совсем загрустить. До того как соберутся войска, у него не было иного занятия, кроме как ждать гонцов с новыми дурными вестями о продвижении фьяллей и раудов да размышлять о своем неудачном обручении. Ингвильда по-прежнему не хотела даже смотреть в его сторону.

От немедленной свадьбы конунг отказался по наущению кюны Даллы – мачеха успела ему внушить, что со временем он найдет невесту и получше. Фрейвид хотел забрать дочь с собой, но в этом, опять же по совету Даллы, Вильмунд отказал – ему нужен был залог. Скрепя сердце Фрейвид согласился: время торопило. Он уехал, а Ингвильда, все еще считавшаяся невестой Вильмунда конунга, осталась в Конунгагорде под охраной одного только Оддбранда.

Впрочем, это было не так уж и мало.

– Какой заботливый и преданный у нее воспитатель! – ехидно приговаривала от случая к случаю кюна Далла. – Не отходит от нее ни на шаг! Наверное, когда ей нужно в отхожее место, он переминается с ноги на ногу под дверью!

– Оддбранд ей не воспитатель! – с досадой отвечал Вильмунд. Презрительное безразличие Ингвильды так сильно ранило конунга, что он уже жалел о знакомстве с ней. – Он – сын бывшего воспитателя самого Фрейвида, а она воспитывалась дома у отца!

– Странно! – не унималась кюна Далла. – А я-то думала, что он еще в детстве носил ее на руках. Ты не замечал: когда она ложится спать, где он помещается – на полу возле порога? Возле лежанки? Или прямо под одеялом? Так ведь всего надежнее! И самой ей, я замечаю, это вовсе было бы не противно!

Вильмунд болезненно морщился, кусал губы и сжимал кулаки. Кюна Далла отлично понимала, каким образом сделать для пасынка ненавистным само имя Ингвильды. Посчитав выгодным оставить ее здесь, она в то же время старалась держать Вильмунда подальше от невесты, боясь, что угасшие были чувства вспыхнут вновь – ведь рана первой любви полностью не заживает никогда.

– Очень хорошо, что ты оставил здесь дочь Фрейвида! – говорила кюна Далла. – Мало ли что придет в голову этому... этому человеку? Все знают, что нрав у него тяжелый, а свою выгоду он ставит выше всего, даже выше слова чести. – На лице мачехи отразилось благородное негодование. Вильмунду не хватало проницательности догадаться, что кюна так хорошо понимала Фрейвида именно потому, что подобные побуждения и ей самой были близки. – Сегодня он друг тебе, а завтра, если фьялли слишком быстро займут Западное побережье, он внезапно вспомнит о том, что обещал свою дочь тому уроду... Вот, забыла, как его звали...

Но Вильмунд молча хмурился, не желая произносить вслух имени своего врага. Кюна Далла вздохнула, повертела в пальцах узорчатый край головного покрывала, смущенно поглядывая на Вильмунда.

– Меня тревожит одна мысль, – со вздохом произнесла она в ответ на его вопросительный взгляд. – Йомфру Ингвильда слишком... слишком сопротивляется своему счастью, тебе так не кажется? Боюсь, этот рябой фьялль слишком много успел... Ты так не думаешь? Знаешь ведь, эти удалцы, которые избегают честных схваток с мужчинами, с женщинами не теряются!

Вильмунд резко переменялся в лице и рухнул на ближайшую лавку, словно ноги отказали ему в поддержке. Он помнил строгость Ингвильды, и ему не приходило в голову, что с его соперником она могла быть более ласковой. Но слова кюны открыли ему глаза: разом он вспомнил и их давнюю встречу на берегу в день Середины Лета, и много мелочей в разговорах с Ингвильдой, на которые раньше не обращал внимания. Сами по себе они ничего не значили, но если знать, как все истолковать... Недружелюбие Ингвильды исподволь при-

готовило его к самым страшным открытиям, и сейчас Вильмунд с готовностью поверил в худшее.

– Слава Фригг, прошло уже полгода! – поспешно сказала кюна Далла. – Ты можешь быть полностью уверен, что не станешь зваться отцом чужих детей, поверь моему женскому опыту. Ты не должен слишком сурово осуждать ее – ведь Фрейвид назвал ее невестой фьялля, она думала, что станет его женой... Знаешь, у них, у фьяллей, так принято, что после обручения жених получает все права мужа...

– Тролли и турсы*!

Это было первым, что сказал Вильмунд с самого начала разговора. Все рассуждения мачехи казались ему неоспоримыми, и теперь он был полон ужаса, досады и стыда. Подумать только – он назвал своей невестой девушку, которая обнимала фьялля, его врага! Чуть не сделал ее своей женой, кюной квиттов! Однорукий Ас!

– В этом нет ничего позорного! – продолжала кюна Далла, зная, что он сейчас ей не поверит. – Это все равно что отбить жену у врага. Помнишь, люди рассказывали, что в Барланде Гудбранд конунг разбил какого-то своего хёвдинга, который поднял против него мятеж, взял себе все его имущество и женился на его вдове. И живут уже пятнадцать лет, и имеют троих детей... И никто не считает, что для Гудбранда конунга это позор, наоборот...

Но Вильмунд ее почти не слушал. В восемнадцать лет слишком трудно примириться с такой сомнительной победой и пользоваться тем, чем раньше тебя воспользовался другой. Сейчас Ингвильда вызывала у него одно отвращение, словно кость, кем-то обглоданная и брошенная.

– Однорукий Ас! – только и мог повторять он, сжимая голову руками. Сейчас ему хотелось убить Ингвильду, которую он когда-то так любил. – Домой ее! К Фрейвиду! Завтра же! Сейчас же! Чтоб я ее больше не видел! Да возьмут ее тролли!

Вильмунд горестно вздохнул, и этот вздох был больше похож на глухой стон. Кюна Далла подошла, обняла его голову и прижала к себе. Вильмунд не сопротивлялся – ему слишком нужна была сейчас хоть чья-то поддержка.

– Ты совсем меня не слушал, милый мой! – ласково ворковала кюна Далла, перебирая мягкие длинные пряди его волос. – Мы не можем отослать ее к отцу, потому что тогда Фрейвид посчитает себя обиженным. Главное, что ему нужно, – это дорваться до власти, стать родичем конунга! Хорошо, что наконец-то ты это понял! Но мы не можем выпустить ее из рук. Фрейвид сразу поймет, что его замыслы расстроились, возмнит себя обиженным. И только Один и Фригг знают, к кому на помощь он тогда поведет свое войско – к нам или к конунгу фьяллей! Мне думается, что рябой фьялль будет рад получить свою невесту назад, и Фрейвид станет лучшим другом Торбранда Тролля! А Квиттингский Запад – немалая сила!

– Что же делать? – глухо промычал Вильмунд, уткнувшись лицом в бок своей благодетельницы.

– Мы должны оставить ее у себя, чтобы Фрейвид был прикован к нам прочной цепью. Конечно, быть твоей женой она недостойна... Зачем тебе вообще жена? Ты еще слишком молод, ты видел еще слишком мало женщин, чтобы сделать по-настоящему достойный выбор. Ты можешь спокойно подождать с женитьбой еще хоть десять, хоть пятнадцать лет, и никто тебя не осудит за то, что ты хочешь найти по-настоящему достойную мать своим будущим детям и будущим конунгам квиттов... А Ингвильду мы можем...

Кюна Далла помедлила, задумавшись для вида, а потом радостно продолжала, словно эта удачная мысль пришла ей в голову только сейчас:

– А Ингвильду мы можем выдать хотя бы за моего родича Аслака. Для него она достаточно хороша, он предан тебе, и на преданность Фрейвида мы сможем положиться, если его дочь поселится в Лейрингагорде. Уж тогда войско Западного побережья точно будет нашим! Но стоит поторопиться, пока Фрейвид его собирает. Ты же понимаешь – он должен узнать о

свадьбе своей дочери только после того, как она состоится. На сбор войска ему потребуется какое-то время, но и нам оно тоже нужно. Что теперь стоит сделать, как тебе думается?

– Нужно немедленно послать за Аслаком, сегодня же! – воскликнул Вильмунд, поспешно выдергивая голову из-под рук мачехи и распрямляясь. – Пусть он приезжает быстрее. Мы сыграем свадьбу, и пусть везет ее на Острый мыс.

– Пока наш человек отправится туда, пока мои родичи накричатся и охрипнут, пока мать наконец вытолкает Аслака в шею из дома, пока он доедет... – с неудовольствием начала перечислять кюна Далла. – Нет, мой милый! Мы сделаем лучше. Мы сами поедem на Острый мыс – ты, я и она. Мы будем там уже через несколько дней, а уж при мне приготовления не затянутся надолго. Все сложится отлично: Фрейвид соберет войско Запада, Гримкель – войско Юга, а свадьба сделает их двоих едиными, как руки одного человека. Север можно уже не считать, а Хельги хёвдингу и его восточным упрямцам придется промолчать и смириться, если мы все будем заодно. Ведь верно? Ты со мной согласен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.